

A close-up profile of a woman with blonde hair and green eyes, looking slightly down. A large red heart-shaped balloon is partially visible on the left side of her face. The background is dark with many small, glowing yellow and orange bokeh lights.

18+

ЛИНА

— небеса
всё знают —

МУР

*Роман-наслаждение
от автора нашумевших бестселлеров Рунета!*

Неправильная любовь

Лина Мур

Небеса всё знают

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мур Л.

Небеса всё знают / Л. Мур — «Издательство АСТ»,
2019 — (Неправильная любовь)

ISBN 978-5-44-857116-9

Флинт получил все, о чем мечтал: успешный бизнес, роскошную жизнь, толпы влюбленных женщин... Но однажды он понимает, что одинок и несчастен, и решает вернуться в родной дом, откуда когда-то сбежал. Простят ли его те, кого он предал? Сможет ли он загладить свою вину перед той, которой разбил сердце? Или увидит в ответ лишь ненависть и презрение? Небеса всё знают, и в их власти наградить или наказать. Флинт надеется, что получит хотя бы призрачный шанс изменить свою жизнь и начать все сначала. И тогда прошлое будет прощено, настоящее станет светлой дорогой, на которой он больше не будет один. А любовь?.. За свою любовь он готов побороться даже с небесами!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-44-857116-9

© Мур Л., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1	13
Глава 2	18
Глава 3	22
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	40
Глава 7	48
Глава 8	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Лина Мур

Небеса всё знают

© Л. Мур, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Пролог

– И ты собираешься так просто это принять? – Недоуменно слежу за метаниями сестры.
– Да, Флинт, просто. Я это уже приняла. Ребенок не виноват в том, что родился! – Зои на секунду поворачивается ко мне, в голубых глазах сверкает ярость.

– На кой черт он тебе, когда скоро появится свой? – Глазами указываю на огромный живот, который сестра постоянно поглаживает. Всегда так делает, когда нервничает, а сейчас она на взводе. Мне должно быть наплевать, но я здесь. Сажу и жду непонятно чего, пытаюсь образумить Зои, хотя родители ее поддерживают.

– А на кой черт родители завели тебя, если у них уже была я? Тот же самый вопрос, братик, – передразнивает она, что совершенно не подобает двадцатичетырехлетней замужней женщине.

– Да я спрашивал, и не раз, и всегда получал подзатыльник, поэтому ответить не смогу. Но все же, Зои, какой смысл принимать чужую дочь? Вдруг она неуравновешенна, создаст проблемы, да и деньги на нее придется тратить, а у нас их не так много. – Спрыгиваю с дивана и тоже подхожу к окну.

– Она всего лишь ребенок, Флинт. Ее мать умерла от рака, девочка одна осталась в Париже. Нет никого из родственников, чтобы забрали к себе. Только отец. И что, Скотту нужно было забыть о ней? Бросить свою плоть и кровь в приюте? Боже, ты еще совсем мальчишка, раз не понимаешь весь ужас ситуации. Скотт даже не знал, что у него есть дочь...

– А он делал тест или поверил на слово какой-то шлюхе? – Кривлюсь в брезгливой ухмылке и отворачиваюсь.

– Прекрати немедленно! – Сестра отвешивает полновесный подзатыльник, и я едва не тараню лбом окно.

– Зои! – Возмущенно потираю голову, взлохмачивая светлые волосы до плеч.

– Только попробуй. Только попробуй все испортить. Только заикнись, и я тебя по стенке размажу. – Она предупреждающе грозит мне пальцем.

– Ладно-ладно, расслабься, а то родишь племянника прямо сейчас.

– Ей всего пять, она еще крошка, и ей нужна семья. Скотт сказал, она очень пуглива, всего боится. К тому же... Боже! – Не закончив фразу, Зои взвизгивает и начинает приглаживать свою пшеничного цвета шевелюру.

– Что? – недовольно спрашиваю, наблюдая, как беременная женщина – по моему мнению, больная на голову – носится по небольшой гостиной.

– Они здесь. Такси уже у дома. Сейчас будут. Ты понял меня, Флинт? Понял? Не пугай ее! Не...

– Зовут-то как сиротку? – Ловлю очередной подзатыльник и злой взгляд сестры.

– Джасмин. Ее имя Джасмин. Все, молчи, а лучше выйди через заднюю дверь. – Она поворачивается к входу, и дверь тут же распахивается.

– Привет, милый, – нервно произносит Зои, глядя на мужа.

Встречаюсь глазами со Скоттом. Он будто постарел за две недели отсутствия. В темных волосах проглядывает редкая седина. Круги под глазами, опухшие веки... Ему сейчас можно дать хорошо за тридцать вместо двадцати шести. Он вымотан. Еще бы, как им не подфартило. Внебрачная дочь, о которой никто не знал, смерть его бывшей пассии-француженки и подарок в виде ребенка. Глупее не придумаешь, вот Скотт теперь и расплачивается. Как и мы все.

– Доченька, не бойся, это моя жена. Ее зовут Зои, – мягко говорит мой свояк, пытаюсь руками поймать что-то позади него.

Опускаю взгляд и вижу тонкие ножки в черных колготках, слишком массивные для пятилетнего ребенка ботинки. А в Саванне довольно-таки жарко для осени. Безуспешные попытки

втянуть малышку в дом сопровождаются предложениями всевозможных сладостей, игрушек, но девочка даже не двигается.

Мысленно закатывая глаза, отталкиваюсь от стены и подхожу к Скотту. Опускаюсь на корточки и решаю на диалог, которого, видит бог, не хочу. Мне вообще претит здесь все. Последний школьный год, меня ждут вечеринки и девушки, а родители заставили приехать к сестре, чтобы поддержать ее. Оно мне надо?

– Ну, девочка моя, выходи. Здесь тебе никто не причинит зла, – уговаривает ее папаша.

– Я ведьма и могу сама причинить зло, – раздается тонкий голосок с явным акцентом.

Бросаю удивленный взгляд на сестру, она отвечает таким же. Теперь мы оба смотрим на улыбнувшегося Скотта.

– В самолете мы смотрели «Белоснежку», ей очень понравилась злая колдунья.

– Значит, к нам пожаловала сама Малефисента? Я ни разу в жизни ее не видел, и мне безумно интересно. – Не знаю, откуда что берется, но именно мой воодушевленный голос звучит в тишине.

– Нет, я Джасмин. Но у меня много силы. Даже больше, чем у нее, – отвечает ребенок, все так же прячась за отцом.

– Вау, вот это да! Если ты покажешь мне силу, я покажу тебе свою, – предлагаю, и через секунду из-за мужских ног выглядывает девочка.

От создания, появившегося в нашей жизни, у меня спирает дыхание. Скотт отлично поработал – ребенок перед нами невероятный. Я вообще-то мало рассматривал детей и не могу дать точную оценку их красоте, но уже достаточно много видел женщин и девушек, чтобы утверждать, что когда-нибудь эта малышка станет красоткой. Распахнутые огромные небесно-голубые глаза разглядывают меня с таким же интересом, как и я ее. Русые волосы спадают по плечам, пухлые губы растянуты в лукавой улыбке.

– Значит, ты тоже колдун? – недоверчиво спрашивает она, и я, кивая, поднимаюсь на ноги.

– Да, но у меня самое обычное имя – Флинт. А это моя сестра и жена твоего папы – Зои. И она владеет невероятной магией, даже мне неизвестной. – Протягиваю Джасмин руку, и она бросает взгляд на Скотта, словно ожидая разрешения. Он кивает, и девочка покидает свое убежище. Теперь могу рассмотреть, какая она худенькая, тоненькая. Белоснежная кожа и черное платье. Такой яркий и резкий контраст действует на нервы и вызывает жалость. Хотя эта крошка никоим образом меня не касается, мне безумно горько оттого, что она пока не понимает, чего ждать от нового этапа своей юной жизни.

Она подходит ближе, и мне приходится нагнуться и предложить ей руку. Девочка так долго рассматривает меня, что становится не по себе. Я привык, что женщины меня любят, но ведь это ребенок. Хотя взгляд у нее глубокий, вдумчивый, как у взрослого и мудрого человека. Невероятно красивые глаза, да и сама она настолько нежная, что я улыбаюсь. Ее ручка ложится в мою, я осторожно тяну ее к себе, а затем поворачиваю к ошарашенной Зои. Я тоже удивлен сам собой и желаю скорее свалить от напряженной тишины, поэтому тороплюсь закончить.

– Я расскажу тебе по секрету, – ловлю взгляд голубых глаз и заговорщически продолжаю, – у Зои спрятаны яблоки, которые только она умеет готовить так, чтобы насладиться на всех глубокий сон. Если хочешь, она тебе покажет.

– Правда? У тебя есть такие яблоки? – изумляется Джасмин.

– М-м... да... четыре фунта имеются, и я знаю, где взять еще. Мы можем сейчас отправиться на кухню и приготовить. Хочешь? – спрашивает сестра.

– Да. Очень хочу. – Ребенок с готовностью отпускает мою руку.

Зои уводит ее, а я тру лоб. Ни черта себе встреча.

– Вот ты нашел себе проблемы, Скотт. – Поворачиваюсь к нему.

– Она моя дочь, Флинт, у меня не было выбора. Я тебе благодарен, потому что характер у нее не из простых, она мало говорит, в основном молчит, всего боится и прячется. – Он похлопывает меня по плечу и пропускает к двери. – Ты вернешься? – интересуется, когда я останавливаюсь на пороге.

– Возможно. Мне же семнадцать, и меня ждут две красотки в кафе. – Подмигиваю.

– Мальчишка, – слышу в ответ смех, и дверь закрывается.

Мысли о новом члене семьи моментально улечиваются, когда я прыгаю в машину и включаю музыку. У меня грандиозные планы, о которых предпочитаю не говорить вслух. Обожаю эту жизнь.

Два года спустя...

Затягиваюсь едкой сигаретой, отравляющей и так скорбящее сердце. Смотрю на плиты, рядом стоят знакомые, пришедшие выразить соболезнования. А я ничего не чувствую, кроме желания напиться и изменить свое решение о поступлении в Нью-Йоркский университет. Если бы я этого не сделал год назад, то наши родители, которые решили приехать из Саванны в Нью-Йорк, были бы живы. Не пошел бы дождь, не были бы мокрыми дороги, они бы не разбились. Это моя вина, и поэтому сейчас стою поодаль от плачущей сестры, от бледного Скотта, от друзей, которые тоже любили их, как я.

– Им сейчас лучше, чем нам, Флинт, – раздаётся рядом детский голос.

Перевожу затуманенный взгляд на голубые глаза под темной вуалью шляпки и бросаю недокуренную сигарету под ноги.

– Тебе больно, да? – Джесс подходит ко мне ближе.

– Очень, – шепчу, опускаясь на зеленую траву, и не смею подойти ближе к месту, где сейчас произносит речь Скотт.

Семилетняя малышка садится рядом, и я ощущаю, как ее прохладная маленькая ладошка поглаживает меня по плечу.

– Не надо. Мне не нравится, когда ты грустишь. Мне тоже хочется плакать. Бабушка с дедушкой всегда говорили, что если чему-то суждено произойти, это случится. Значит, они сейчас счастливы. Ведь там, на небесах, так хорошо и спокойно. Посмотри на них, небо ясное, даже тучек нет. Они будут оберегать нас оттуда и сейчас видят, как ты куришь, – последнее слово она произносит с явным неодобрением.

– Ох, конфетка, это я виноват. Я выбрал не то, что должен был. Я...

– Ты шел за мечтой, так говорит Зои. И почему это ты виноват? Папа говорит, чтобы я делала то, что хочу, – перебивая меня, заявляет Джесс.

Перевожу на нее взгляд и в который раз удивляюсь, каким родным стал для меня этот ребенок. Ее слова словно ослабляют печаль и скорбь, приоткрывают мое сознание, чтобы пропустить луч света, каким представляется мне она. Любопытная, умная, развитая девочка, которую сразу же все полюбили, стала неотъемлемой частью нашей семьи. Даже я проникся ее смехом, жадной жизни и весельем.

– Мы должны пойти туда. – Она указывает на кучку людей, и я тяжело вздыхаю. – Я буду с тобой, обещаю. Пойдем, Флинт. – Поднимаясь, протягивает мне руку, и столько надежды в ее глазах, столько веры, что не могу отказать.

Хотя бы ради нее – пусть думает, что этот мир прост, и никогда не встретится с ранней потерей. Она уже пережила это, лишившись матери, но обрела другую семью. Возможно, без нее я бы не смог подняться и вернуться ко всем, обнять сестру и забрать у нее племянника, затем бросить землю на гробы и наблюдать за прощанием, держа одного ребенка на руках, а другую прижимая к себе.

Я единственный, кто так и не заплакал на похоронах. Единственный, с кем не общаются, потому что я сбегаю. И даже тихий голос Джесс не вернет меня сюда надолго.

Четыре года спустя...

Слышу, как поворачивается ручка двери, и распахиваю глаза. Моргая, выпрямляюсь и морщусь – все тело затекло от короткого сна на диване в доме сестры.

– Флинт?

– Дядя!

Раздается удивленный голос Зои, и в тот же миг племянник прыгает на меня и обнимает за шею.

– Привет, парень. Какой ты огромный стал. – Смеясь, треплю светловолосого малыша по голове и опускаю рядом. – Привет, сестренка. Привет, Скотт, – продолжая улыбаться, встаю с дивана.

– Какими судьбами, Флинт? Еще не лето. У тебя что-то случилось? – спрашивает Зои, вешая плащ, а сыну, который уже нашел на журнальном столике приготовленную ему в подарок машинку, велит отправляться мыть руки.

– Оставь его, милая, это и его дом. Мы рады видеть тебя, через полчаса поужинаем, – мягко произносит Скотт.

– А где Джесс? – Приглаживаю растрепавшиеся волосы.

– У нее музыкальные занятия, потом балет. Соседка ее подвезет. Так что случилось? – Сестра прищуривается. – Ты не звонишь, не пишешь, не отвечаешь, и вдруг здесь.

– Я приехал, чтобы поделиться радостной новостью, – улыбаюсь ей.

– Какой?

– Я женился. Сегодня мы расписались с Коллин, – с трепетом делюсь самым ярким и лучшим событием в моей жизни.

– Что? – Лицо сестры белеет.

– Да... хм, я не говорил об этом, чтобы вы не испортили мне настроение. Но я женат...

– Сколько вы знакомы, Флинт?

– Пару недель, но чувства появились сразу. Черт, не надо меня осуждать, я знаю, что поспешно, но я люблю ее, и она великолепная девушка. Первый курс медицинского факультета, мы встретились в баре, и все завертелось. Я сразу понял, что она для меня. Тем более я нашел место помощника архитектора в компании и смогу обеспечить нас. Есть квартира, которую мне подарили родители перед смертью, у нас все хорошо, – оправдываюсь. Как противно.

– Что же ты творишь, брат? Совсем с ума сошел? Ты ничего не знаешь о девушке, кроме того, как она трахается! Когда ты начнешь думать головой, а не членом? У тебя квартира, а она, я уверена, иностранка. Да? – Зои наступает на меня, повышая голос.

– Да, она не американка, как закончится ее ученическая виза, мы подадим на грин-карту. Неужели это так важно? Я люблю ее! Она моя жена и хорошая девушка! – зло отвечаю.

– Конечно, хорошая девушка, которая окрутила идиота, – фыркает Зои. – Ей нужно только гражданство, а потом она тебя бросит. И даже не посмотрит на твое смазливое личико. Ты проходной билет для нее. Когда же ты повзрослеешь?

– Я взрослый! Прекрати меня отчитывать! Я давно уже не мальчишка! Работаю, живу самостоятельно, ни разу не просил у вас денег. Сам принимаю решения. И вот женился! Ты должна была меня поздравить, а не орать. – Яростно тычу в нее пальцем.

– Поздравляю, Флинт, из-за любви к женским гениталиям, алкоголю и, возможно, до сих пор к наркотикам ты совершил самую ужасную глупость в своей жизни, – едко произносит она.

– Да я только раз баловался кокаином. И что? Я же не подсел, и хватит мне напоминать! Думал, приеду, расскажу, познакомлю вас – Коллин тоже здесь, только в отеле – и все будет так

же хорошо, как было у меня на душе. А встретил только нравоучения и унижение, напоминание о моей молодости...

– Ты и сейчас молод! Тебе только двадцать три! Ты еле-еле окончил университет и снова нашел себе проблемы на задницу. Выпутывайся сам, понял? Скоро поймешь, каким был придурком!

– Что вы кричите? Напугаете Карвера. – В гостиную входит Скотт и останавливается между нами.

– Этот полоумный женился на эмигрантке! Поверить не могу! Она отберет у него квартиру и...

– И вы поженились в этом возрасте. У вас все хорошо. Так почему у меня должно быть иначе? – перебивая возмущенные вопли сестры, поворачиваюсь к изумленному Скотту.

– Хм... Зои, это его жизнь. И если он так решил, пусть отвечает за свои поступки. Он взял на себя ответственность, и мы не можем на него повлиять, – медленно произносит свояк, и я рад его поддержке.

– Спасибо. Кстати, Зои, я не отчитывал тебя за то, что ты удочерила Джесс, внебрачного ребенка твоего мужа...

– Флинт, – охает сестра и обиженно поджимает губы.

– Это же правда, и я не хочу никого оскорбить этим. Джасмин счастлива с вами, и мы все ее любим. А ты даже не хочешь узнать мою жену поближе. Мне это неприятно.

– Потому что ребенок, который не виноват в своем рождении и скоропостижной смерти матери, не может приравняться к наглой стерве, которая использует тебя...

– Хватит! Не смей так говорить о моей жене! Раз вы не хотите с ней знакомиться и видеть ее, я сваливаю! Поделится с вами, а вы мне в душу плюнули! – Подхватывая сумку, обхожу сестру.

– Флинт...

– Нет, Скотт, я принял твою внебрачную дочь и полюбил ее, не упомянул о том, как туго вам пришлось. А вы не хотите принять мою любовь к женщине. Вы лицемеры, и знать вас не хочу, – зло шипя, выхожу из дома и громко хлопаю дверью.

Меня бесит, что сестра так поступила со мной. Мне больно, а теперь еще нужно объяснить все Коллин. Они не дали ей и шанса показать себя. А я люблю ее, меня не волнует, что она иностранка. Она дарит мне незабываемые эмоции, и такой шаг для меня... а они даже не поддержали. Обидно. До черных мушек перед глазами обидно! Да, я непутевый, но рвусь изо всех сил. Нашел хорошее место, буду прекрасным мужем и когда-нибудь отцом. У нас все получится, мне это необходимо. Разве могут они понять, какой груз вины я до сих пор несу в себе? Как пытаюсь доказать сестре и Скотту, что родители отдали мне все не просто так, а я заслужил?

Пока жду такси у дороги, смотрю на темное небо, и тяжесть сдавливает грудь. Они заставляют меня плохо думать о моей жене, думать о том, что это ошибка. Не позволю! Мне двадцать три, и я имею право решать сам за себя...

– Флинт? Это ты? – раздается рядом знакомый голос, и я поворачиваю голову.

Девочка, о которой постоянно думаю и для нее тоже стараюсь быть лучше, радостно смотрит на меня огромными голубыми глазами.

– Привет, конфетка, – улыбаюсь, и Джесс, бросая рюкзак на траву, с визгом прыгает на меня.

– Боже! Ты здесь! Ты приехал! – кричит она, а я смеюсь от столь искреннего счастья. Целую русую макушку, прижимаю девочку к себе. Черт, я скучал по ней, и сейчас она тяжелее, чем шесть месяцев назад.

– Ты подросла. – Замечаю длинные ноги в лосинах и такую же обтягивающую майку. Мне не нравится. Она еще маленькая, и эта одежда ей не подходит.

– Ну так мне уже одиннадцать, – гордо заявляет Джесс и поправляет толстую косу на плече.

– Я привез тебе Барби, оставил на журнальном столике...

– Флинт, я давно не играю в куклы. Так ты был у нас? Почему не предупредил? Ты остаешься? – закидывает меня вопросами.

– Нет, я уже уезжаю. Мы с Зои немного повздорили, и мое присутствие сейчас нежелательно, – кривлюсь я.

– Почему? Что случилось? Ты пропил квартиру? – Она усмехается, а я ловлю себя на мысли, что ребенок слишком много знает о моих похождениях. Неприятно. Не хочу, чтобы она думала, что мужчины все такие. Хотя да, мы непостоянны, но ей пока рано об этом думать.

– Нет. Я сказал им, что женился, а они не приняли мой выбор.

– Женился? – тихо переспрашивает Джесс и делает шаг назад.

– Да.

– М-м... поздравляю. Она, наверное, очень красивая, и ты ее любишь, раз решился на такой шаг, – постоянно запинаясь, бормочет она.

– Очень. – Улыбаясь, вспоминаю темные волосы Коллин и аппетитное тело, которое сводит с ума. Всегда любил красивые формы, объемные, чтобы было за что ухватиться. Ох, а как она работает ртом...

– Хорошо, раз ты счастлив, то и я счастлива. Вы прилетите на лето? Вместе? – Из порочных мыслей меня выводит голос Джесс, и я, моргая, фокусирую на ней взгляд. – В июле у меня первое выступление на городском конкурсе по фортепиано. Я бы хотела, чтобы ты приехал. – Она подходит ближе и вглядывается в мое лицо. Черт, не могу ей отказать. Она смотрит на меня доверчивыми голубыми глазами, не могу причинить ей боль. Или же дать понять, что я полный кусок дерьма.

– Конечно. – Киваю и слышу звук подъезжающей машины.

– Пообещай, – требует Джесс, когда такси останавливается рядом.

– Обещаю тебе, что приеду...

– Нет, не мне, – смеюсь, мотает головой, – небесам. Пообещай им, что приедешь и будешь самым счастливым. Пообещай им, что будешь гордиться собой и я это увижу. Пообещай им.

– Хорошо, – улыбаясь, закатываю глаза. – Небеса, я обещаю, что приеду на первое выступление конфетки. – Смотрю на темное небо и чувствую себя придурком. – Так сойдет?

– Более чем. – Джесс наклоняется и поднимает рюкзак.

– Тогда до встречи, и береги себя. Звони мне в любое время, – говорю, открывая дверцу автомобиля.

Джесс отходит и кивает, но что-то в ее взгляде, на секунду ставшем печальным и горьким, не дает мне опуститься на сиденье.

– Конфетка, у тебя все хорошо? – тихо спрашиваю ее.

– Да. Я скучаю по тебе, а теперь ты женат, и мы вряд ли сможем забираться на дерево, чтобы стрелять из рогатки. Но я рада за тебя и желаю тебе только счастья, Флинт. Поезжай, наверное, твоя любимая уже заждалась тебя, – пухлые губы растягиваются в улыбке.

– Спасибо, Джесс, ты единственная, кто меня понял и поддержал. Спасибо, я обещаю, что буду приезжать чаще, вырвавшись с работы, и заберу тебя на лето к нам. Обещаю, небеса. – Вспоминая это глупое условие, поднимаю голову и слышу звонкий смех.

– До встречи, конфетка, – подмигиваю ей, опускаюсь в салон и закрываю дверь.

Смотрю на одинокую худенькую девочку, продолжающую стоять на лужайке возле дома, и что-то сдавливает грудь. словно мрачное тянущее предчувствие. Джесс моя племянница, маленький человечек, которого я всегда буду помнить. Хотя в последнее время забыл обо всем, кроме развлечений. Большой мир украл у меня желание быть обычным. Мне хочется забраться

так высоко, чтобы никто больше не имел права меня осуждать. Доказать всем, я умею быть взрослым даже без родителей.

– Обещаю, что вернусь и с наслаждением послушаю, как ты играешь. А потом ты станцуешь мне, и мы пойдем есть мороженое. Обещаю, что обстреляем всех гостей на воскресном барбекю и ты будешь смеяться. Обещаю, конфетка, – шепчу, наблюдая, как девочка разворачивается и идет к дому.

– Мистер, мы едем? – спрашивает шофер.

– Да. По этому адресу. – Передаю ему карточку отеля и бросаю взгляд на молчаливый дом со светящимися окнами, который стал для меня чужим.

Ни одного из своих обещаний я не выполнил...

Глава 1

Захлопывая дверцу такси, поднимаю голову и смотрю на подсвеченный фасад дома, раньше виденный мной только на фотографии. Я столько лет не был в Саванне, что забыл, как здесь влажно и душно, как проста и обычна жизнь и кем надо быть, вернувшись сюда.

Вытираю сухой рот ладонью. Горло нещадно дерет до сих пор, болит голова и хочется еще выпить. Надраться вновь, чтобы больше ни о чем не думать.

Не знаю, по какой причине приехал, да и нет их. И вряд ли меня ждут. Точно не ждут. Нигде не ждут, нигде я не нужен.

Давящие мысли, тяжесть в груди и очередной провал в жизни привели меня к яркой красной двери. Набраться бы мужества, чтобы нажать на звонок, но рука не поднимается. Отчаяние уже затапливает разум, чувствую себя полным придурком. Потому что ни один нормальный мужчина в здравом уме (точно не обо мне) даже из-за алкогольного отравления не будет стоять и гипнотизировать странной формы звонок.

Неожиданно дверь распахивается, и на меня налетает что-то высокое и очень знакомо пахнущее. Моргая, отступаю назад, нога скользит по ступеньке, и последнее, что я вижу перед тем, как тело заскулит от боли, – удивленные голубые глаза и алые губы.

– Дерьмо... черт, как же... – стону и катаюсь по земле, пытаюсь унять боль в копчике. Перед глазами бегают яркие точки, подступает тошнота. Жутко до отвращения.

– Ма! Здесь бездомный какой-то! – Громкий крик врывается в мой и без того дребезжащий мозг, и я распахиваю глаза и замираю, так и оставшись лежать на каменной дорожке.

Кажется, я ошибся дверью. Пройдясь взглядом по стройным загорелым ногам, натякаясь на ультракороткие шорты, не скрывающие ягодички девушки с распущенными крашеными волосами. Сглатываю сухой комок во рту и причмокиваю как идиот, пялясь на аккуратные спелые выпуклости незнакомки.

– Мам, надо полицию вызвать. Фу, от него воняет. – Девушка поворачивается и тычет в меня пальцем. Приподнимаюсь. Голубые глаза кажутся очень знакомыми, но узнать ее сложно из-за вульгарного макияжа.

– Флинт? Брат, это ты? – Слышу недоверчивый голос и вижу Зою, немного постаревшую и осунувшуюся. Она рассматривает меня с нескрываемым отвращением.

– Привет. – Натягивая улыбку, отрываю взгляд от девушки, обескураженной не меньше меня. Нужно вспомнить, кто она. Где-то видел... Смотрит на меня недовольно, даже зло. Наблюдает, как я медленно поднимаюсь с помощью сестры, и поджигает пухлые накрашенные губы. Странно, я...

– Господи, что случилось? Где ты был? Выглядишь ужасно. Действительно как бездомный. – Смеясь, Зоя тащит меня в дом, а я спиной ощущаю недовольный взгляд, который продолжает сверлить меня. Почему? Мы же не знакомы.

– Мама? – Вспыхивает в голове обращение, произнесенное юным вульгарным созданием. – Джасмин?! – Шире распахивая глаза, не могу отвести взгляда от девушки.

– Пить меньше надо, Флинт, тогда и мозги на месте останутся, – фыркает она, поправляя обесцвеченные пряди, лежащие на выпуклой груди, обтянутой маленьким, едва не лопающимся на ней топилом.

– Брат, ты многое пропустил. Входи, – веселится Зоя, толкая меня в холл, а я недоумеваю, как изменилась маленькая девочка, превратившись в...

Слов подобрать не могу, чтобы описать ее и не оскорбить. Где та нежность, которой она была полна? Только открытая сексуальность и обнаженное тело. Слишком обнаженное. Пока протискиваюсь мимо, она отскакивает и демонстративно зажимает пальцами нос, кривит пухлые губы. Бесит. Особенно уродская помада, которая делает ее облик еще более вызывающим.

– Что ты здесь делаешь? Ты не сообщил, что прилетишь, – пеняет мне сестра и указывает на диван. Оборачивается к Джесс: – Милая, принеси своему дяде что-нибудь выпить.

– Водку? Джин? Ром? – ехидно перечисляет та.

– Черт, ты так выросла и так... выглядишь. – Не зная, что сказать, рукой очерчиваю в воздухе ее формы.

– Было бы удивительно, Флинт, если бы я осталась одиннадцатилетней. Именно в том возрасте ты видел меня в последний раз. – Усмехаясь, она складывает руки на груди. Полушария сжимаются, вот-вот выпрыгнут.

– Красавица, да? Ее часто приглашают сниматься у нас в рекламе, но она отмахивается. Думаю, Джесс сделала бы прекрасную карьеру. – Зои подходит к девушке и обнимает ее за плечи.

– Мам, это лишнее, зачем ему знать об этом? Так что, водки или джина?

Захлопываю рот, приходя в более-менее нормальное состояние, пораженный преображением маленькой хрупкой девочки в *это*. Хотя она такая же худенькая, как и раньше, но... Вот дермо, мне не следует на нее смотреть.

– Воду. Алкоголя на сегодня достаточно, – тихо бормочу, опускаясь на диван.

– Воду, – передразнивает девушка и уходит в глубь дома, а сестра с улыбкой закрывает дверь.

– Так что случилось, Флинт? Мы давно не слышали о тебе. Связаться уже и не пытаемся – последние два месяца твоя секретарша постоянно говорила, что тебя нет. Ты один? – Зои подходит ко мне, садится рядом. – Выглядишь безобразно. В бороде крошки, и воняешь ты жутко. Боже, не говори только, что все потерял! – взвизгивает сестра, а я, опуская взгляд, рассматриваю отросшую бороду.

– Нет, ничего я не потерял. Я развелся...

– В который раз, Флинт? Десятый или одиннадцатый? – вклинивается едкий голосок.

– Пятый, – поправляю, принимая бокал с водой.

– Опять? Боже, брат, опять развод. А на этот раз из-за чего? – тяжело вздыхает Зои.

– Наверное, размер груди не понравился, нашел дамочку попышнее. Или ноги показались кривыми. Мам, чего спрашивать, у этого человека никогда не будет стабильности. Или, как вариант, он ее не удовлетворяет, стал импотентом. Хотя его вид и так отталкивает. – Джесс смотрит с таким отвращением, что я давлюсь водой.

– Джасмин! – Смех Зои удивляет меня еще больше.

– Ладно, вот *это*, – девушка показывает на меня пальцем, – надо отмыть. Ну а я пошла на вечеринку. Люблю. – Джесс склоняется к сестре, чмокает ее в щеку и выскакивает из дома.

Выпады в мою сторону, оскорбления... Ее вид с голой задницей...

– Я что-то не понял... Это действительно Джесс? Мне не мерещится? – Указываю на дверь и вопросительно смотрю на Зои.

– Да, это Джасмин, и ей уже восемнадцать, Флинт. Она окончила школу с великолепным баллом, подала документы в наш университет. Выпускной был три дня назад, я отсылала тебе приглашение, но ты, как обычно, проигнорировал.

– Я не видел... Три дня назад встречался с женой у адвоката и подписывал документы о разводе. Боже, я словно оказался в другом мире. Где та девочка, которая всегда улыбалась и не была такой... такой вульгарной? Как ты это допустила?! – возмущаюсь, вставая с дивана, и зло, со стуком, ставлю бокал на журнальный столик.

– Не тебе учить, как воспитывать дочь, Флинт. Молодежь сейчас невозможно контролировать, а я Джесс доверяю, поэтому позволяю ей все. Она делится со мной, я знаю обо всех ее ухажерах, делах и проблемах. А то, как одеваются сейчас девушки, ты знаешь больше моего. Пятый брак, и тот не увенчался успехом, – язвит Зои.

– Извини, я просто удивлен и... разбит. Да, ты всегда была права. И с Коллин, и с другими моими женами, но я тебя не слушал. А сейчас мне тридцать, у меня хорошая компания и... длинный список разводов. Прости, что явился без приглашения. – Устало провожу рукой по сальным волосам.

– Думаешь, приятно знать, что была права, братик? Нет, хороший мой, я бы хотела, чтобы ты светился от счастья. Это моя вина, что не настояла тогда на разводе. Я хотела, но меня Джесс остановила.

– Джесс?

– Да. Она сказала, что это твоя жизнь, ты так решил и мы не должны вмешиваться в нее. Она настаивала, даже поругалась со мной первый раз. Она защищала тебя, а ты...

– А я пропал на семь лет. Чувствую себя мерзавцем, ты не представляешь, Зои. Мне некуда больше идти, кроме как к тебе. Нужно время, чтобы подумать. Понять, когда все пошло под откос. И уберечь себя от очередной свадьбы. Не везет мне в любви, зато я богат, – горько усмехаюсь.

Осматриваю дом, который мои родственники приобрели в кредит два года назад. Помню, Зои просила просмотреть документы, нет ли подвоха, а мне было плевать. Только фото запомнилось, и ничего больше. Я был увлечен новой девушкой и занимался только ей. А сейчас, как трус, сбежал из большого города к тем, кого бросил.

Гадко от самого себя, от своих поступков.

– Ох, Флинт, ты же знаешь, мы всегда рады тебя видеть. А Джесс... Тебе придется привыкнуть к тому, что она выросла. У нее свое мнение, мы ей ни в чем не препятствуем, потому что доверяем. Так и живем. Все дети – наши друзья, они делятся с нами, и мы счастливы. А тебя будем реанимировать, хотя мы со Скоттом завтра улетаем.

– Улетаете? Куда? Я рассчитывал провести время с вами, может, вместе куда-то съездить, – хмуро спрашиваю, рассматривая висящие на стене фотографии улыбающейся Джесс с разными наградами и ее родителей.

– И об этом я тебе писала. Мы купили дешевый тур на острова. Нас не будет две недели, Скотт сейчас в аэропорту, отправляет Карвера в поездку в Вашингтон с классом на месяц. Ты, конечно, и это не читал. Но Джесс остается, сказала, что нам нужен второй медовый месяц, а ей побыть без нас перед новой жизнью, – рассказывая, она поднимается и проходит по коридору.

Не успеваю собрать мысли в кучу, как Зои с улыбкой открывает дверь одной из комнат.

– Эта спальня у нас пустует, правда, здесь совместная ванная с комнатой Джесс, но, думаю, дочь не будет против, если ты остановишься рядом. Чувствуй себя как дома. – Сестра машет приглашающе, и я оказываюсь в небольшом пространстве с интерьером в классическом стиле. Сразу вспоминаю свою просторную квартиру, где благодаря дизайнерам все выглядит как с обложки модного журнала. А сейчас я вернулся к истокам, к недорогой деревянной мебели, к милым мелочам, к аромату цветов и свежескошенной травы из открытого окна и к высокой влажности.

– Спасибо, Зои, что не отвернулась от меня, – благодарю с натянутой улыбкой и бросаю на кровать свою сумку.

– Я никогда не отвернусь от тебя, Флинт, ты же мой брат. Мы семья. Пусть не всегда согласная с твоими решениями, но семья. Ты дома, дорогой мой. Прими душ, я принесу полотенца. Тебе следует побриться, а то выглядишь устало. Мы уже ужинали, но в холодильнике найдешь рагу и разогреешь. Не стесняйся, ешь что захочешь. Тем более Джесс не будет, а я наготовила много...

– Почему? – перебивая ее, отвожу взгляд от двора, прекрасно просматривающегося из моей спальни.

– Молодость, ребята, подружки, – с улыбкой поясняет она.

– Мда, и это необходимо принять.

– Дети растут, Флинт. Ее подруги очень приятные девушки и из хороших семей, мы общаемся. Они все поступили на один факультет. А парни... Джесс молода, ищет того самого, но пока безуспешно. Хотя мальчики всегда вокруг нее вьются, она же красавица... Ой, уже половина десятого. Тебе следует отдохнуть, с остальным завтра разберемся. Еще будет время наговориться. Если тебе что-то нужно, наша спальня дальше по коридору. Пойду собирать вещи.

– Спасибо, – киваю ей, и сестра закрывает дверь, оставляя меня одного.

Ни черта себе приехал. Слишком много неожиданной информации на меня свалилось. К тому же алкоголь, который пил все утро, неприятно сказывается на самочувствии. Есть не хочу, только пить. Нужно смыть с себя послевкусие алкогольного дурмана и лечь спать. Завтра разберусь со всем, и увиденное не будет казаться ужасным. Ведь перед глазами до сих пор Джасмин в вульгарном наряде, в ушах застряли ехидные слова, пропитанные отвращением. И мне так больно оттого, что забыл о родных, наслаждался жизнью, женился, разводился, тратил деньги, выбирая лучшее, когда они покупают уцененные туры.

Что стало со мной за эти годы, пока жил вдалеке? Хотя это и не тот дом, который я помню, но город мой родной, я здесь появился. И бросил все, чтобы утонуть в пороке.

Снова осматриваюсь в небольшой спальне, подхожу к открытому окну нестандартного размера: когда душно, такого рода планировка помогает впустить в дом немного воздуха.

Ночь давно накрыла собой город, а я совершенно не представляю, что мне делать. Потерян. Действительно потерян, приехал сюда, чтобы найти спасение. Но не верю, что у меня получится. Сложно будет вновь знакомиться с людьми, бывшими для меня когда-то самыми близкими. Особенно видеть, во что превратилась моя конфетка.

– Джасмин, – шепчу, глядя на дверь, ведущую в ванную комнату.

Думал ли я о ней? Нет. Признаюсь, не думал ни о ком. Вообще. Присылал подарки на Рождество, и то иногда с опозданием. О днях рождения не помнил, не поздравлял – жил своей жизнью, словно у меня никого не было. Очерствел, стал циником. И вот как вышло. Чувствую себя лишним здесь. Сам отказался от семьи, а теперь навязался им со своим пятым разводом.

Заглядываю ванную. На полке под зеркалом стоят разные баночки и духи. Сантехника самая простая: раковина, душевая кабина, унитаз. Ничего лишнего, да и не поместится сюда что-то еще. На ее двери висит халат. Нажав на ручку, вхожу в сладко пахнущую комнату. Благодаря свету из ванной можно рассмотреть светло-голубые стены, белую широкую кровать, заваленную подушками разной формы и мягкими игрушками. На столе валяются какие-то книги, на стуле висят джинсы. Каждая безделушка и фигурка говорит о том, что это девчачья спальня. Втягиваю в себя аромат и закрываю глаза. Забыл о ней... Все утопил, предал. Теперь придется пожинать плоды, но за ними я и прилетел. Взял отпуск и сбежал.

У меня нет желания даже жить, потому что для этого нет причин. Я неудачник в любви, обжигался так часто, что стал посмешищем среди друзей и мишенью для женщин. Клоуном, на которого делают ставки. Я не чувствую себя мужчиной, уже не знаю, кто я, и не понимаю, что могу. Словно все женщины, число которых давно перевалило за сотню, выпили из меня силы, превратив в бесхребетного придурка, который только и предлагает им жениться. Это убивает, отравляет меня, так что пришлось исчезнуть. Не дать себя унижить еще больше, ведь когда я развожусь, каждая из бывших жен считает своим долгом рассказать, какой я хреновый муж. И я, поддаваясь насмешкам, ищу новую жену, и так по кругу. Но вчера что-то сломалось внутри, не мог спать, а щемящая тоска в сердце призвала меня сюда. Не знаю, как объяснить, но я понял, что должен быть сейчас здесь. В Саванне.

Мне тридцать, а я боюсь выйти из комнаты после душа. Боюсь встретиться с вопросами, на которые не знаю ответов. Боюсь посмотреть в глаза сестре и Скотту, потому что еще не до конца осознал, что, добравшись до дома родных, нагло влез в их жизнь. Им без меня намного

лучше, все понятно уже по поведению Джесс, но... Не хочется принимать такой итог, но я полностью выжат, раздавлен жизнью, которой поклонялся.

Сквозь сон слышу невнятные звуки, разрушающие влажную оболочку дремоты. Распахиваю глаза и, моргая, привыкаю к темноте вокруг. Нет... мой пентхаус наполнен светом, там не бывает так жарко. И тут же вспоминаю, что я у сестры. Из ванной комнаты раздается какое-то странное бульканье, потом кашель.

– Джесс! – Испуганно подскакиваю и распахиваю дверь. Мне плевать, что я в одних боксерах, – сердце так быстро набрало обороты, что готово разлететься на миллион мелких осколков.

Взглядом нахожу девушку. Шатаясь, она выпрямляется и вытирает рот туалетной бумагой. Смывает воду, а я закрываю глаза, не желая видеть этот отвратительно вульгарный вид.

– С каких пор... ик... тебе разрешено вламываться в мою спальню? – пьяно тянет Джесс, отбрасывая спутанные влажные волосы за спину.

– Это не спальня, это ванная, – отвечаю, внимательно рассматривая ее лицо: размазанную по губам помаду, сетку капилляров в глазах, – совершенно неподобающий вид для восемнадцати лет. – И я живу теперь рядом с тобой.

– Фу, меня сейчас снова стошнит, – кривясь, она идет к двери в свою комнату. Ее так болтает, что еще немного, и рухнет.

– С каких пор ты так много пьешь, что едва стоишь на ногах? – шепчу, шокированный зрелищем.

– С каких пор ты так противен, что вызываешь желание блевать, Флинт? – передразнивает она меня и хлопает дверью.

У меня аж рот открывается. Ну и обращение. Черт, это не моя конфетка. Это незнакомая девушка, которая ужасно себя ведет. И Зои ей позволяет? Позволяет возвращаться домой в таком виде?

Из своей спальни направляюсь в коридор, чтобы немедленно обсудить с сестрой выходку Джесс. Как так можно? Ей всего восемнадцать! Подхожу к комнате сестры, прислушиваюсь. Тихо, наверное, уже спят. Мне не хочется их будить, но злость и желание немедленно оттащить девчонку за волосы перебивают стук сердца. Нажимаю на ручку двери, но сразу же отпускаю. Нет, завтра. Все обговорим с ее родителями завтра, потому что не позволю этой девочке так поступать. Она не понимает, что губит себя алкоголем. Многого могу рассказать про него и про последствия подобных вечеринок. Я так женился в третий раз, и это был мой самый скоропалительный брак за всю жизнь. Одни сутки. В таком состоянии могут же ею воспользоваться! Неужели она настолько глупа, что не понимает? Алкоголь часто становится причиной насилия, а Джесс девушка эффектная, особенно когда так доступно одета.

Возвращаюсь к себе и падаю на кровать. Мое ли это дело? Могу ли я давать советы по воспитанию детей, если сам себя приструнить не могу? Но, черт побери, это моя племянница! Я ее люблю, волнуюсь за нее и, пока я здесь, хочу понять, что произошло за время моего отсутствия. А я разберусь во всем, тем более Зои и Скотт улетают, оставляя меня с ней. Приведу девочку в чувство, хотя бы не буду думать о том, что собственная жизнь – пустое место.

Глава 2

Спускаюсь на первый этаж полный решимости начать серьезный разговор, который прокручивал в голове всю ночь.

– Доброе утро, Флинт, – первым меня встречает Скотт, немного раздавшийся вширь, но такой же добродушный, как и раньше. Подходит, обнимая, хлопая по спине. – Рад тебя видеть, парень. Мне жаль, что так получилось с твоей пятой женой, – мягко улыбается мне и ведет к столу, где пьет чай сестра.

– Я тоже, но ночь у меня выдалась сложной. – С суровым видом опускаюсь на стул.

– Влажность и жара. Забыл уже? – смеется Зои, пододвигая ко мне пустую чашку и стопку оладий.

– Не в них дело. Ночью я видел вашу дочь. – Смотрю то на удивленного Скотта, севшего рядом со мной, то на сестру, приподнявшую брови.

– И?... – спрашивает Зои.

– Что «и»? Ты хоть знаешь, что она пьет? Ее тошнило! Она выглядит как шлюха, одевается ужасно. Как вы это допустили? – злюсь я.

– Ах, это... Ну и что? – расслабленно пожимает плечами Зои.

– Как ну и что? Она пьет! Ей восемнадцать, и она пришла домой в три утра, едва стоя на ногах! – Вскиваю, ударив кулаком по столу.

– Но она же вернулась. Вспомни себя в этом возрасте – ты похлеще выглядел, – напоминает Зои.

– Но я мужчина, а она девчонка! Вы что, совсем с ума сошли, раз позволяете ей такое? Скотт, черт возьми, ты-то как на это спокойно смотришь? Не думаешь, что она там не только пьет? – кричу как помешанный, еще больше раздражаясь от их равнодушного вида.

– Флинт, успокойся. Да, моя дочь выпивает, но не совершает ничего предосудительного. Всегда возвращается домой и уже, к твоему сведению, отправилась гулять с подружками. И выглядела она нормально. Так что мы с Зои не переживаем. Это пройдет. Главное, чтобы дочь нам доверяла. Мы знаем, где она была и с кем, что она пила и сколько, – с улыбкой отзывается мужчина.

– Да вы полоумные! А если ее изнасилуют, когда она пьяна? На ней и так были какие-то клочки, а не одежда! Не понимаю, как вы можете быть такими... такими противно спокойными, – кривлюсь от отвращения, прокручивая в голове картинки вчерашнего.

– У нас небольшой городок, Флинт. И преступность не такая, как в Нью-Йорке. Всех ребят, с которыми она встречается, мы знаем. Скажу больше, противозачаточные таблетки мы выписали ей в шестнадцать. Она не девственница, и мы не против. Она думает головой, с кем спать. – От такого заявления Зои я лишь рот открываю и оседаю на стул.

– То есть вы поощряете ее раннюю сексуальную жизнь? – ужасаюсь.

– И пеняет нам на это человек, который никогда не отличался стабильными отношениями. Занятно, Флинт. Нет, мы не поощряем, но не препятствуем изучению своего тела. Джасмин уже молодая женщина. Лучше было бы, чтобы она травила себя тем, что ей не подходит? Или вообще скрывала от нас? Нет! Не учи меня воспитывать моего ребенка, особенно девочку, о которой ты ни черта не знаешь! За собой следи! – С силой грохнув чашку на стол, отчего она треснула, Зои вылетает из столовой.

Шумно втягиваю в себя воздух и перевожу яростный взгляд на Скотта, качающего головой.

– Ладно, она ей потакает, потому что боится потерять связь с неродным ребенком. Но ты! Неужели тебя это ни капли не трогает?

– Трогает, Флинт, но иначе нельзя. Ты не знаешь, какой характер у Джасмин. Безумный, тяжелый. Если что захочет, она это сделает вне зависимости от разрешения...

– Но это не повод давать ей такую свободу, – перебиваю его возмущенно.

– Повод. – Он на секунду прикрывает глаза, а когда снова смотрит на меня, я вижу в них муку, сожаление и усталость.

– Мы пытались с ней совладать. В четырнадцать, когда ты женился во второй раз и Зои решила поехать на свадьбу, они поругались. Дочь тоже хотела, но ее поведение было неадекватным. То она улыбалась и смеялась, то, когда упоминали тебя, превращалась в мегеру. Мы опасались, что Джесс натворит нечто ужасное в церкви, и запретили ей лететь. Тогда она заявила, что поедет на вечеринку к своему парню, и это мы ей тоже запретили. Я остался с детьми здесь, но не уследил за ними, поскольку день и ночь пахал в столярной мастерской. Джесс оставила дома Карвера и исчезла. А я думал, что она спит у себя. Утром мне позвонили из участка и сообщили, что ее поймали в нетрезвом виде за рулем. Мало того, она чуть не погибла, влетев в ограждение. Я позвонил Зои как раз во время церемонии, поэтому она и уехала.

– Я не помню. – Хмурясь, пытаюсь вернуться в прошлое, в богато обставленную церковь, но... Помню только возбуждение от предстоящей свадьбы, волнение из-за опоздания невесты... Даже не заметил, как сестра ушла. Я не думал о ней, не придавал значения ее отсутствию, и теперь слышать это крайне неприятно.

– Я не виню тебя, Флинт, но тогда, после долгого разговора с Джесс, мы решили, что дадим ей свободу, а она должна доверять нам и все рассказывать. Мне не хочется, чтобы моя дочь познала боль и разочарование раньше времени, но иногда кажется, что она уже все знает и ничто ее не тронет. Она прекрасная девушка, но ограничивать ее нам страшно.

Откидываюсь на спинку стула и пытаюсь уложить его слова в голове. Черт, я же ничего не знаю о Джасмин. Все, что было в прошлом, исчезло. Я полностью изменился и сейчас в тупике. А она может повторить мои ошибки. Хотелось бы оградить ее от них.

– Но почему? Когда из доброго, доверчивого ребенка она превратилась в адское пламя противостояния?

– Все изменилось в двенадцать. Зои говорила, все нормально, обычный подростковый кризис, который переживают в этом возрасте. Джесс хорошая девочка, умная, смысленная. Я волнуюсь за нее как отец, но полностью доверяю ей, знаю, что глупостей не натворит. И у тебя будет время ее узнать, пока мы в отъезде, – с улыбкой произносит Скотт, вставая.

– Ладно, не мое это дело, хотя даже не представляю, как с ней общаться. Вчера она была язвой. – Меня передергивает от воспоминаний.

– Пойми ее, Флинт. Ты был для нее примером, она всегда тебя защищала, пока ты не забыл о ней. Женское сердце – потемки, тебе ли не знать, – смеется он.

– Женские сердца – болото, полное грязи. Ты прав, об этом я знаю много. Именно благодаря этим сердцам я стал самым непостоянным вечным женихом, – хмыкаю и тоже поднимаюсь со стула.

– У тебя есть время, чтобы понять, как жить дальше. И прошу тебя, Флинт, потерпи со следующей свадьбой.

– С меня хватит. Видимо, быть мужем и строить семью не мой путь. Я очень хотел иметь такой же дом, как у вас, такую же любовь, чтобы идти вместе с женой через все преграды. Вы с Зои стали для меня примером, но я так и не достиг ничего, кроме денег.

– Деньги не всегда дарят счастье. Они обесцениваются, хотя грех жаловаться на жизнь. И, зная твой характер и свою дочь, прошу еще об одном. Не разгромите дом, мы очень долго выплачивали за него. – Скотт смеется, а мне не до улыбок. Мне стыдно, что я даже не участвовал в этом, а ведь мог прислать денег, чтобы они выбрали дом побольше, получше и на все бы им хватило. Я и этого не сделал, потому что было на всех плевать.

– Может, вам нужна помощь... или решить какие-то денежные проблемы. Я могу, я ведь богат, Скотт, – нерешительно предлагаю ему.

– Прекрати, – сурово поджимает он губы, – нам от тебя ничего не нужно, кроме самого тебя. Ты часть нашей семьи, Флинт, и мы всегда рады тебя видеть. Поэтому не упоминай деньги, когда ты с нами. Это обижает. Да, мы не так обеспечены, но нам хватает. Хватает, чтобы быть счастливыми. И тебе я желаю того же самого.

– Хорошо. Прости, просто я подумал, что смог бы вас отблагодарить за приют моей гулящей души, – горько усмехаюсь и ловлю его задумчивый взгляд.

– Ты можешь нас отблагодарить.

– Как?

– Следи за Джесс. Идет черед вечеринок после выпускного, думаю, она часто будет в неприглядном виде. Наладь с ней отношения и снова почувствуй себя частью нас. Это было бы прекрасным подарком и благодарностью за нашу любовь к тебе. Идет?

– Я постараюсь не кричать на нее, но не обещаю. То, что я видел, мне не нравится. Хотя и понимаю, что она другая, совершенно непохожая на того прежнего ребенка, но ничего не могу с собой поделать.

– Возможно, тебя она послушает. Попробуй, но не доводи ее. Поверь, если она начнет мстить, все твои жены покажутся тебе раем, – тихо смеется Скотт.

– За что она должна мне мстить?

– Женщинам для этого не нужна причина. Все зависит от настроения. Найди Зою и поговори с ней, она очень нервничает, все еще в шоке от твоего приезда.

– Конечно, я извинюсь перед ней. Черт, Скотт, я настолько гадок? Они обижены на меня?

Вздыхая, мне нечего больше сказать. Сложно привыкать к отношению, какого не ожидал. Я ведь думал... Блеф, ни о чем я не думал. Вообще. О них точно, как и о реакции на мой неожиданный приезд.

– Ты не гадкий, у тебя просто другая жизнь. Ты из Нью-Йорка, там твое место, а мы простые. Иди, а я пока удостоверюсь, что в наше отсутствие крыша не протечет. – Он кивает мне и выходит из кухни на задний двор.

Поднимаю голову, чтобы убедиться: дом хоть и выглядит новым, но требует приложения усилий, и капающая из крана вода тому подтверждение. Я богат, для меня поменять здесь все – раз плюнуть, но запрещено. Я вновь впадаю в некое подобие разочарования. Я лишний. Здесь нет ничего моего, даже семья стала чужой. И причина – сам я.

При подъеме на второй этаж слушаю, как поскрипывают половицы. По левой стороне замечаю открытую дверь и заглядываю в нее.

– Зою?

Рассматриваю спальню Джесс, с ночи она не изменилась. Светло-голубые стены, постельное белье разных оттенков синевы. В воздухе витает аромат духов и чего-то сладкого. На потолке какие-то точки, наверное, из-за постоянной влажности. Удивленно смотрю на ватные облака, свисающие на тонких нитях.

– Джесс мечтает быть дизайнером. Многие вещи, украшающие дом, – ее рук дело. Она отреставрировала бра, делает из старого новое. Нашу спальню тоже превратила в нежное подобие небес, – раздается рядом тихий, но гордый голос сестры.

– Очень красиво, – отвечаю, взглянув на Зою, держащую корзину с чистым бельем.

– Но поступить решила на экономический. Говорит, дизайнеры получают мало, для будущего невыгодно. И никто не смог ее переубедить, – грустно добавляет она.

– Зою, я должен извиниться. Не мое право указывать, как вам воспитывать дочь. Но пойми и меня, я в шоке... Черт, я настолько удивлен преображением Джасмин, даже не знаю, что думать. Ты прекрасная мать, наши родители тобой бы гордились, – каждое слово дается с трудом.

Смотрю в глаза, так похожие на мои. Больно видеть слезы, глубокие морщинки на лице сестры и понимать: мы давно выросли и ничего не вернуть, ни минуты прошлого, чтобы как-то его изменить.

– Все хорошо, Флинт, – хлопает она носом и ставит корзину на постель.

– Нет, я обидел тебя, хотя не имел на это права. Приперся со своими проблемами, не думая о вас. Прости за то, что вот такой я подонок. И если могу что-то сделать для семьи, я готов. Только скажи, чем помочь. – Подхожу к ней и кладу руки на плечи.

– У нас все есть. Два прекрасных ребенка, мастерская, дом, еда. Нам помощь не нужна, а вот тебе – очень. – Зои разворачивается и с нежностью поглаживает мою щеку. – Может, нам остаться? Боюсь, мы сейчас необходимы тебе...

– Нет, летите. Вы должны отдохнуть, а я буду здесь, пока вы не вернетесь. Обещаю, что присмотрю за Джесс и попытаюсь понять ее. Принять ваш стиль жизни. Да и тишина мне нравится больше, чем шум большого города. Все хорошо.

– Нас Джесс довезет до аэропорта в шесть. Заготовки в холодильнике я оставлю, чтобы вы не померли с голода. Да и Джесс умеет готовить.

– Я тоже когда-то умел. И давно не жарил барбекю, можно вспомнить. Может быть, тогда она немного оттаит.

– О, это вряд ли, – смеется Зои, раскладывая чистые вещи на кровати.

– Почему?

– Джесс не ест мясо. Она вегетарианка.

– Да ладно? С каких пор? – изумляюсь я.

– Лет с тринадцати или четырнадцати. Просто перестала есть мясо, и все. Поэтому для нее я готовлю отдельно. Хотя обычно она перекусывает где-то в городе с девочками.

– Столько я пропустил, – запускаю руку в волосы и тяжело вздыхаю.

– Теперь у тебя есть время, чтобы восполнить пробелы, Флинт. Две недели, только не...

– ...разгромите дом, – заканчиваю за нее, и она смеется. – Я уже взрослый, Зои, мне тридцать, спорить с восемнадцатилетним ребенком я не стану. Все будет хорошо.

Странно, что до сих пор не поверили в то, что я вырос. И довольно давно.

– Порой я думаю, что ты слишком рано почувствовал себя взрослым. Начал принимать решения, когда не был готов. И лучше бы тебе вспомнить, каким ты был в семнадцать, чтобы понять себя нынешнего. Но это твоя жизнь, уверена, ты сам все знаешь. У меня нет права лезть в нее. Я люблю тебя, братик, ты часть моего сердца, поэтому оставляю тебя за старшего. Надеюсь, к нашему возвращению ты снова будешь улыбаться, как раньше.

– Конечно, так и будет, – заверяю ее, хотя сам не представляю, что меня ожидает.

Отчего-то интуиция говорит – лучше валить по-хорошему. Наедине с Джесс начнется мой личный ад, который, неведомо по какой причине, накаляет тело странными эмоциями. Неужели не справлюсь? Я же ее дядя, она всегда меня слушалась.

Глава 3

– Господи, Скотт, я забыла документы!

Мужчина хватается Зои за руку, не позволяя ей забежать на второй этаж.

– Успокойся, они у меня. Поехали, Джесс уже сигналил. Если ты еще немного задержишься, мы пойдем пешком и опоздаем на рейс, потому что наша дочь терпеть не может ждать, – спокойно произносит Скотт, а я от смеха прыскаю в кулак.

– Ладно. Флинт, ты за старшего. Я буду звонить...

– Иди уже, все будет хорошо. Вы не увидите полыхающий огнем дом, – отвечаю с серьезным лицом, стараясь не рассмеяться.

– Хорошо, до встречи. – Зои посылает мне воздушный поцелуй, Скотт сдержанно кивает.

Когда за ними закрывается дверь, с облегчением вздыхаю: я полдня слушал, как вести себя с племянницей, что ей готовить, что она не ест категорически, когда принимает пищу. И даже как стирать. Я терпеливо слушал, понимая, насколько сестра волнуется перед полетом, и только кивал. Скотт появился за полчаса до назначенного времени и получил нагоняй от Зои за свой внешний вид. Джасмин дома так и не появилась. Я видел только свет фар, когда она подъехала за родителями. Но она же вернется, и мы поговорим. Нам следует все обсудить, прежде чем начнется что-то непоправимое.

Поднимаюсь на второй этаж и кручу шеей от липкой влажности, удушливой настолько, что приходится чаще принимать душ, менять моментально сыреющую одежду. Лето в Саванне самое тяжелое время, раньше я этого не замечал. Достая из сумки ноутбук, открываю. Быстро проверяю письма, не желая отвечать и следить за работой и заказами, тут же захлопываю его и кладу обратно.

Я потерял вдохновение к творчеству. Я потерял вдохновение к жизни. Раньше пропадал в офисе днями и ночами, поглощенный новыми проектами, из-за чего и произошел мой четвертый развод. А сейчас на все плевать, даже если прогорю. У меня достаточно денег и связей, чтобы работать без подчиненных. В этом я добился успеха, а вот в другом не смог. Где я совершил ошибку?

Иногда мысли, из-за которых приехал, не хотят подчиняться, оставляют голову пустой, а сердце сдавливают в тиски. Не знал, что можно не понимать себя. Вроде бы все ясно: пять браков, пять разводов. Причин можно много придумать, но мне гадко. Чувствую себя обманутым жизнью. Что-то я упустил, свернул не на ту дорогу. Это убивает. Невозможно отследить прошлое, потому что просто не помню его. Разрывает. Медленно. Необратимо. Я измучил себя мыслями о смысле моей жизни. Снова найти женщину и жениться на ней? Забыть обо всем, потратить деньги и потом подписать бумагу о разводе? И дальше все по той же схеме: смех друзей, фраза «а мы тебе говорили»... Да у меня и друзей-то нет. Только парни, с которыми можно выпить и оставить приличную сумму где-нибудь в казино. Вот и все. Никто из них даже не знает, что я рожден в Саванне, что мои родители погибли из-за меня, а сестра нуждается в деньгах, хотя делает вид, что все прекрасно.

– Черт возьми, – тру я переносицу.

За окном уже глубокая ночь. Я будто потерялся в этом мире. Женщины меня подкосили. А я любил их, каждую по-своему, но любил. Кроме третьей жены, там был только хороший секс и алкоголь. Неужели это я? Неразборчивый кобель, всеобщее посмешище. Стыдно возвращаться в Нью-Йорк – сбежал как трус, признаю, даже телефон отключил, чтобы вновь не слышать подначек. Не могу. Я слабый, бесхребетный, а ведь раньше таким не был.

Бросаю взгляд на часы. Полночь, Джесс до сих пор нет дома. Времени достаточно, чтобы отвезти родителей и вернуться. Выхожу в коридор, заглядываю в ее комнату. Нет, где-то шляется. Это меня безумно злит. Я ничего плохого ей не сделал. Ну, забывал иногда о подарках, но

потом присылал ей Барби, других дорогих кукол, племяннику – новинки из «Лего» и машинки. Тогда почему она так относится ко мне? И так тошно...

Спустившись и не включив свет в доме, прохожу на кухню. Ужинать не хочется. Надо возобновить тренировки, чтобы хоть тело было в форме. Наверное, мало времени прошло с развода, не могу взять себя в руки. Не понимаю, в чем дело, раньше я спокойно к этому относился. Да, было неприятно ближе узнавать своих жен и правду о них, но тут же находился кто-то, и меня втягивало в новый виток чувств и похоти.

А теперь что? На руках документы о разводе, подготовленные едва ли не смеющимся судьей, и я остался один. Один в роскоши и при деньгах. Именно они и привлекали ко мне женщин, а не я сам. Да и как я мог привлечь, если давно потерял личность? Стал как все? Эти удручающе мрачные мысли и заставили резко собрать вещи, взять отпуск и улететь.

Делаю глоток воды и заглядываю в холодильник, забитый продуктами. Я уж лет шесть не употребляю такие – жирные молоко и сыр, пирог, всевозможные сладости, ладно хоть салат с овощами есть. Вот я ханжа, еще и диетическое выбираю! Нужно завтра взять машину Скотта и съездить в супермаркет...

Не успеваю додумать, мысль прерывает рев мотора, нарушающий сонную тишину улицы. Отодвинув штору в гостиной, наблюдаю, как с мотоцикла спрыгивает парень и притягивает к себе девушку. Она с жадностью отвечает на поцелуй, когда он подхватывает ее за бедра и несет... к нашему дому. Да нет... Это не может быть Джесс, обхватившая какого-то урода за талию и позволяющая ему сжимать ее оголенные ягодицы.

От входной двери слышится хихиканье, ключ поворачивается.

– Детка, хочу тебя прямо здесь, – шепчет мужской голос.

Я от шока так и стою с бокалом воды, меня будто обездвигили, ударив по затылку, и заставляют наблюдать, как в свете уличных фонарей пара облизывает друг друга рты.

– Что, черт возьми, это означает? – рыкаю я.

Девушка замирает и, отпустив парня, щелкает выключателем на стене.

Мои глаза встречаются с голубыми, блестящими от возбуждения. Грубый макияж, опухшие губы, напоминающие, с какой силой их терзали. Топик, больше похожий на бюстгальтер, не скрывающий наливную грудь, через тонкую ткань просвечивают бусинки сосков.

Кажется, от злости и ярости я сейчас готов разорвать Джесс.

– Детка, это кто?

Даже забыл о присутствии здесь третьего. Перевожу взгляд на парня, точно подходящего под звание оборванца. Удлиненные светлые волосы, руки забиты татуировками, низкие джинсы и майка, поди больше года не стиранный. Он подходит к племяншке и обнимает ее за талию, она отвечает ему улыбкой. Гадко!

– А, не обращай внимания, это бездомный, его мама приютила. Перепил, видимо, – смеется Джесс и, приподнимаясь на носочки, демонстративно целует его в губы.

Сжимаю бокал с такой силой, что слышу, как трескается стекло. Все внутри кипит от наглости и... этой порнографии.

– А ну отойди от нее, – рычу, отбрасывая бокал; он тут же разбивается. Плевать, я не позволю делать это на моих глазах. Никогда. Хватаю парня и отшвыриваю от Джесс.

– Эй, бро, ты...

– Закрой рот и проваливай отсюда, – указываю пальцем на дверь. – А ты живо к себе, – поворачиваясь к Джесс, и снова взгляд падает на опухшие покрасневшие губы, изогнутые в насмешке.

– Билли, поднимись ко мне и жди. Хочу тебя полностью готовым. – Джесс, словно не слыша моего приказа, огibtает меня и толкает парня к лестнице.

– Джасмин!

– Иди, с этим я разберусь. И только попробуй не удовлетворить меня. – Шлепает его по ягодице.

– Да я тебя затрахую, детка, – подмигивает ей Билли.

Мало того, что я в шоке, готов придушить ее сейчас. Она смеется надо мной, наблюдая, как парень свободно поднимается по лестнице, игнорируя мои приказы.

– Совсем с ума сошла?

Джесс лишь кривит рот и закатывает глаза.

– Да пошел ты. – Сует мне руку под нос с красноречиво выставленным средним пальцем.

– Ты ведешь себя как шлюха! Одеваешься как шлюха! Кто ты такая, черт бы тебя побрал? – наступаю на нее, повышая голос.

– Никто. Для тебя я никто, – четко отвечает и даже не дергается. В голубых глазах горит ненависть, такая лютая, что я замираю.

– Джесс, конфетка, так нельзя. Ты моя племянница, и мне ужасно видеть это, – уже тише говорю.

– Я тебе никто, даже не родня. И не заставляю тебя смотреть, как я трахаюсь. Но, если хочешь...

– Закрой рот, – перебиваю ее зло. – Меня оставили здесь с тобой, и я обещал, что не позволю тебе вытворять непотребство. Ты снова пьяна? От тебя несет перегаром!

– С каких пор ты выполняешь обещания? Да, пьяна, и мне нравится это состояние. Поэтому отвали. Не тебе меня судить. – Ледяное свечение ее глаз еще больше распяляет.

Девушка делает шаг, чтобы обойти меня, я хватаю ее за локоть, ощущая, какая тонкая и нежная у нее кожа.

– Ты сейчас же выгонишь его отсюда. Поняла? Если нет, сам это сделаю. И мне плевать на твою обиду. Я тебя воспитаю.

Джесс задирает подбородок и, ехидно усмехаясь, осматривает меня с головы до ног.

– Ты мне никто, Флинт, и для меня не авторитет. Захлопнись и иди поищи новую жену. И запомни мои правила. Это мой дом, а ты здесь гость. Временный гость, который снова исчезнет. Воспитывать меня собрался? Серьезно? Воспитывай тех, кого трахаешь, а надо мной никакой власти не имеешь. Ты никто и останешься никем для меня. Я живу здесь и делаю все, что захочу. И сейчас поднимусь к себе и буду трахаться со своим парнем. А ты можешь послушать и подрочить. И не смей даже пытаться меня остановить, иначе я превращу твою жизнь в ад. Не лезь ко мне. Все ясно, дядя? – Она выплевывает в меня последнее слово, словно нанося удар по всему, что я помнил. Больше нет той девочки, которую я любил. Вместо нее фурия, наполненная ненавистью и злобой.

Мне так больно, что я отшатываюсь.

– За что ты так со мной? – шепчу горько.

– Для чего ты сюда приехал? – яростно шипит она.

– Чтобы... я соскучился по семье...

– Ах, вот оно что! Вспомнил, что у тебя есть семья? Что ж ты об этом запомнил, когда Зои потеряла двух детей и я написала тебе? Что же ты не прибежал, когда она лежала в больнице после выкидышей? Или забыл, когда у Зои был юбилей? Она ждала тебя, а ты проигнорировал приглашение! А я скажу. Ты был весь в своей жизни, в своих суках, которых только и успевал менять и жениться. Ты забыл о нас. В твоём богатом мире не было для нас места. Теперь здесь нет места для тебя. Ты нам не нужен. Ты от нас отказался, а мы прекрасно живем без тебя и твоих тупых подарков. Тебе было плевать на нас все это время, так возвращайся туда, откуда прилетел. И не смей заикаться, что вспомнил о семье. Ты приехал, чтобы поныть, поплакаться сестре после очередного развода. Ты ублюдок, Флинт, и я не позволю тебе снова расстроить мою маму! Понял?

– Джесс...

– Не смей! Ты даже не знаешь, как часто она плачет по ночам, смотрит видео, где ты еще был с нами, и плачет! Ненавижу тебя! Ненавижу за все! Ты никто здесь! Никто! – выкрикивает и взбегает наверх.

Меня шатает от жестоких слов, и в то же время они правдивы. Я ничего не знал из того, что пережила Зои. И о детях тоже. Не помню... Какой же я эгоист. Джесс во всем права и точно ударила меня по самому болезненному. Дала понять, насколько чужим я стал. И это моя вина.

Надавливаю пальцами на глаза, потому что хочется расплакаться. Я не помню, когда плакал. Возможно, после смерти родителей. Возможно, раньше. Или никогда? Годы пролетели, а я ничего не могу воспроизвести в сознании. Больно видеть себя таким. Больно, что человек, которого я любил, меня ненавидит. А ведь раньше Джасмин была самой близкой, понимала меня без слов. И сейчас с легкостью прочла мои мысли.

Будто со стороны вижу себя, стоящего в чужом доме, пытающегося справиться с эмоциями и горечью. Я оторвал часть от своего сердца, и теперь оно изранено. Сам с собой это делал. Единственное, что остается, – доказать, что я не такой, смогу все исправить, нужен только шанс.

Собираю и выбрасываю осколки бокала. Вздыхаю. Мне стыдно за то, что не участвовал в их жизни. Безумно стыдно. Сестра приняла меня, она меня любит, каким бы подонком ни был. А Джесс ненавидит, и отчего-то этот факт причиняет больше боли, чем остальное. Не хочу наблюдать, как ее лапает незнакомый парень и сейчас занимается с ней сексом. Ей восемнадцать, но для меня она до сих пор ребенок. Мысль, что она уже знает, как выглядит член, вновь вызывает ярость и злость.

Конечно, я могу пойти и выволочь этого парня. Наказать ее или придумать что-то другое. Но имею ли я право? Нет, никакого. Я никто. Она права. Я не выполнил ни одного обещания, которое давал ей. И она не может больше доверять мне. А я хочу вернуться, хочу слышать смех, быть прежним. Мне необходимо быть нужным. Так гадко понимать, что потерял семью из-за женщин и денег. Утопил себя в пороке. И никогда не смогу изменить мнение о себе. Ужасно. Я и сам себя ненавижу.

Выключаю свет и поднимаюсь по лестнице. Уже в коридоре слышу стон Джесс. Я не должен подходить ближе к ее спальне, не должен думать, что в эту самую минуту кто-то трахает ее. Но я слышу! Еще как слышу. Громкие шлепки, ее призывы продолжать, голос парня вызывают отвращение и бесят, кулаки сами сжимаются. В голове появляются смутные и неправдоподобные картинки. Сам занимался сексом недели две назад, а сейчас что-то странное происходит. Меня изводит неприятное чувство собственности, и понимание, что моя племянница слишком рано стала женщиной, изъедает душу. Хочется выломать к чертям дверь и убить. И не стыдно ей так стонать! Так, что возбуждает даже меня, стоящего возле спальни. Член наливается силой, и меня передергивает от страха. Быть не может! С ума сошел, Флинт? Совсем отчаялся, раз слушаешь, как твоя племянница занимается сексом, и представляешь все в голове?

Сглатывая вязкую слюну, резко подаюсь назад и скрываюсь в своей комнате. Здесь потише, но все равно слышу. Приглушенно, словно порно смотрю, а звук идет из рядом лежащих наушников. Слышу, черт возьми!

Ношусь по спальне как загнанный зверь. Отсчитываю время. Когда-нибудь он же должен закончить? Неужели можно так долго заниматься сексом? Уже час, долбаный час то прислушиваюсь, то вскипаю сильнее. Что она с ним делает?

Восторженный выкрик ее имени, и все затихает. Замираю и медленно подхожу к проему, ведущему в ванную. Слышу смех и стук распахиваемой двери.

– Черт, кажется, так я не кончал ни разу, детка. Обожаю твой рот, – мурчит парень.

Меня мутит.

– Будешь хорошим мальчиком, и я, возможно, повторю, – смеется Джесс, включая душ.

– Я буду самым лучшим. Для тебя. Иди сюда.

Снова смех, затем приглушенный стон Джесс. Да ладно?! Опять?

– Я спать хочу! Живо вон из ванной! – вырывается вопль, и я в бешенстве хлопаю ладонью по дереву. Черт, да я весь дрожу и одновременно горю изнутри.

– Тебе никто не мешает, придурок. Сними номер в гостинице! – кричит в ответ Джесс.

Звук воды стихает, хлопает дверь. Закрываю глаза и растираю лицо, чтобы прийти в себя.

Такого я не ожидал. Все мог подумать, но только не то, что племянница будет устраивать забег на длинную дистанцию. Как Зои это терпит? Завтра же позвоню ей и скажу... Черт, не могу, не хочу портить им отдых. Значит, завтра кто-то сильно получит по заднице. С меня хватит. Я вернулся и заставлю ее стать той, кого помню. И ее будущее я видел другим. Нет, моя конфетка никогда не станет шлюхой! Никогда!

Глава 4

Переживания после ночных приключений Джесс вызвали сильную головную боль. Желудок свело от голода, тело затекло после сна в кресле, в котором я уместился в спальне сестры. Здесь хотя бы не было слышно происходящего – когда мое терпение лопнуло окончательно, я с грохотом закрыл дверь и поплелся сюда. Обидно, что со мной не считаются. На работе уважают, а здесь как в сумасшедшем доме.

Настроение еще мрачнее, чем раньше: я зол настолько, что мне плевать, как выгляжу; тело ломит, голову разрывает, кислота на языке и неодолимое желание рвать и метать.

Спускаясь по лестнице, слышу девичий смех. Хмурясь, прохожу на кухню, где помимо моей мучительницы вижу еще двоих – невысокую блондинку с пышными формами и высокую, довольно смазливую девушку с волосами ядовито-розового цвета.

– Что здесь происходит? – грубо спрашиваю, привлекая внимание щебечущих девушек. Они поворачиваются в мою сторону, и я смотрю в насмешливые глаза Джесс.

– Джи, ты не упоминала, что завела старичка, – хихикает блондинка.

– А неплох. Привет, красавчик, – подмигивает розововолосая.

Они все одеты, словно раздеты – в коротких шортах, кедах и каких-то обтягивающих топиках. Так модно?

– Чего надо, Флинт? – недовольно спрашивает Джесс.

– Сейчас покажу чего...

– О, тот самый? – встречает блондинка, уже с большим интересом оглядывая мои спортивные штаны и мятую футболку.

– Да, тот самый придурок. Ты мешаешь, мы планируем вечеринку, – кивает Джесс.

– Юная леди, помой язык с мылом, и не только язык. Какая, к черту, вечеринка? Я запрещаю тебе. Я... – Осекаюсь, когда мой взгляд проходит по стройным ногам Джесс и останавливается на розовых трусиках, ничего не скрывающих, как и короткая футболка. Минутное молчание, прерываемое шепотом девушек, вводит меня в ступор. Дерьмо. Я заливаюсь краской и резко поднимаю лицо к потолку.

– Прикройся хоть, – недовольно бурчу.

– Это мой дом. Как хочу, так и хожу. Если что не нравится, выход знаешь где. Ты точно знаешь, – ехидно отвечает Джесс.

После подобной отповеди мне уже плевать, как она выглядит, опускаю взгляд и тут же натыкаюсь на оттопыренную задницу – ее обладательница что-то ищет в холодильнике.

– Так ты будешь на вечеринке, Флинт? – спрашивает меня блондинка.

– Нет. И вы живо отправляйтесь по домам. Вечеринка...

– Будет. – Джесс выпрямляется с баночками лимонада в руках. – Она будет самой запоминающейся. Алкоголь. Музыка. Танцы и веселье. Не так ли, девочки?

– А то! Мы планируем ее больше месяца, – с готовностью кивает розовая.

– Джасмин, на минуту, – указываю взглядом на гостиную, кипя от праведного гнева.

– Мне надо с ним разобраться, а вы пока составьте список. Бармен у нас есть, музыка...

Хотя и это есть.

– Джасмин, живо! – повышаю голос.

Девушка цокает языком и демонстративно закатывает глаза.

Выхожу в другую комнату и терпеливо (вру, ни черта не терпеливо) жду. Как только она появляется, хватаю за локоть и тащу к дальней стене.

– Это грубо, Флинт, – нагло заявляет она и вырывает руку из моей хватки.

– А теперь слушай меня, девочка, никакой вечеринки, никакого алкоголя...

– А теперь слушай меня, придурок, ты закроешь свой рот и спрячешься, чтобы я тебя не видела и не слышала. Понял? – со злостью цедит она каждое слово. Стерва.

– Ты хоть понимаешь, с кем разговариваешь? – Ее грубость еще больше распаляет ярость внутри.

– Прекрасно. С уродом, который все портит.

– Прекрати меня обзывать, а то рот вымою самой едкой химией, ясно? Никакой вечеринки в этом доме, иначе позвоню твоим родителям, испорчу им отдых, и они прилетят сюда, чтобы надрать тебе задницу, – угрожаю. А ей хоть бы хны. Стоит, улыбается. Наглая девица, сам готов ее отлупить. Да еще «помогают» воспоминания о ночи. Перевожу взгляд на ее губы. Фу, отвратительно, если она...

– Вперед! Мама с папой знают о вечеринке и дали добро. Поэтому мне откровенно насрать на твои слова. Только тронь меня, я тебе вибратор в задницу засуну. – Ядовитая речь заканчивается таким же смехом. Еще немного, и мне крышу сорвет.

– Нет, я сказал, – хватаю ее за локти и встряхиваю, – мне по горло хватило того, что ты устроила ночью. Надеюсь, у тебя все болит и тебе так же хреново, как и мне.

– Не дождешься. Мне нравится, когда болит. Съел, Флинт? – Отталкивает меня и выкручивается из рук. – И еще. Ты меня раздражаешь. Попробуешь сорвать вечеринку – вытащу на свет твоё грязное белье, в интернете его достаточно. Твои жены обожают обсуждать тебя и твою неспособность их удовлетворить. Такой здоровый и красивый мужик, а член не вырос. Жалко. – Джесс издевательски выпячивает нижнюю губу.

Меня окатывает ледяной волной унижения. Да ни черта она обо мне не знает!

– Понятно, почему ты здесь. Сбежал от женщин, которые тебя бросили. Неприятно, а? Хоть понял наконец, что такое быть брошенным? Хорошего дня, дядя. – Подмигивает и возвращается на кухню, сверкая оголенными ягодицами, разделенными тонкой полоской трусиков.

Такого предательства я не ожидал, словно удар под дых. Знаю, что обо мне слухи распускают, но не думал, что они скажутся на мне. Было наплевать, пока сам не услышал. Теперь и Джесс знает, что я неудачник. И с членом у меня все хорошо. Нормальный размер. Прекрасный размер. Обидно. Снова девчонка уколола в больное место. Хотел бы подлатать раны, но сейчас сложно.

Не вижу другого выбора, как только, быстро приняв душ и переодевшись, смыться из дома, прихватив ключи от машины Скотта. Следовало бы вернуться и настучать Джесс по дурной голове, но я бегу. Бегу от слов, что она может наговорить. Бегу, потому что мучительно слышать от той, кто когда-то была для меня ангелом, нелицеприятные речи. Все разбилось, ничего из прошлого не осталось. Это тоже моя вина. Джесс меня ненавидит, бесполезно даже думать о налаживании отношений. Их больше нет. Ничего нет, и меня нет.

Думал, приеду в Саванну, найду ответы, и сразу все улучшится. Ерунда. Наоборот, я везде лишний, и понимать это убийственно. У меня никаких достижений, кроме денег и статуса самого глупого мужчины Нью-Йорка, теперь еще и племянницей униженного. Не знаю, что делать, как справиться со всем навалившимся на меня. Вот так живешь, наслаждаешься каждой минутой, которую тут же забываешь, а потом раз – и встречаешь одиночество.

Неприятно бродить по родному городу, так все поменялось. Старый дом сестры снесли, на его месте какое-то кафе. Родители свое жилье продали, чтобы купить мне квартиру на окраине Нью-Йорка, с которой я расстался и приобрел пентхаус. Стыдно было, разбогатев, жить в однокомнатной квартире.

Когда-то мне представлялось, что в жизни всем правят деньги. Они у меня есть, а самой жизни нет. Да, я неразборчив в женщинах. Да, слишком сильно ими увлекаюсь. Мой грех, но я не виноват, что так вышло. Я хотел семью, хотел счастья и искал его с каждой, верил в него,

жаждал доказать Зои, что у меня все получится и я стану прекрасным мужем, а моя семья – крепкой. Ни черта.

Не чувствую ничего, кроме разочарования. Мне тридцать, и я никто. Эти мысли рвут душу. Я не вижу красок, только выгоду. Больше не знаю, что такое любовь и есть ли она вообще. Для меня есть ли? Выдали мне это чувство? И кто их выдает, тоже не знаю. Мне плохо. Тошно, и света впереди я не вижу. Но разве кому-то это интересно? Нет. Даже мне самому уже не хочется копаться в себе. Лучше уехать и снова жить как прежде, но отчего-то уверен: как прежде уже не получится.

Специально слоняюсь по городу до самой ночи, тяну время, чтобы не видеть, что происходит в доме. Вряд ли Джесс одумается и не станет воплощать свои идеи. Она сводит меня с ума. За несколько встреч превратилась в незнакомку, которая меня пугает, много знает обо мне и с лету определяет болезненные точки. И она сильно изменилась внешне, став чертовски привлекательной. Если бы я не был ее дядей, точно бы уже попробовал затащить в постель. Хотя это, видимо, не так сложно, раз она позволяет себе такие ночи, как прошлая. Снова вспомнились стоны, крики, и это еще больше травит меня. Только представлю, как ее губы обхватывают член, как меня пронзает током. Нельзя думать об этом. И противно, и возбуждает. Противоестественно видеть в ней не девочку, а женщину с притягательными формами, глазами и губами.

– Хватит уже, – мотаю головой, подходя к старенькому «Форду». А у меня новый «Мерседес», стоивший кучу денег, сейчас на нем катается бывшая жена. Хотя в гараже загородного дома еще две машины. Очередное напоминание о моем эгоизме. Я должен помочь сестре и Скотту, тихо перевести им деньги или еще как-то. Есть, конечно, человек, который знает как, но вряд ли согласится поддержать и посоветовать. Джесс откровенно ненавидит меня. Прекрасно. Все мог предположить, но не такие ядовитые чувства. За что? Да причин достаточно... Но все же я здесь и готов ответить, готов быть нужным, а для нее я лишний. Эти-то мысли и не дают нормально дышать.

Скоро полночь. Надеюсь, вечеринка подошла к концу. Ну да, как же. Уже на подъезде к дому слышны крики, шум, громкая музыка. Припаркованные машины мешают подобраться к воротам. Фасад переливается от гирлянд, и я ошарашенно смотрю на вакханалию света. Бросаю авто на улице. Мимо проходят пьяные ребята – кто домой, а кто, наоборот, только появился в затемненном помещении – бывшей гостиной, сейчас представляющей собой клуб. Не толкнуться, вокруг незнакомые лица, никто не обращает на меня внимания. Я в шоке. Все кричат, улюлюкают. Царство разврата. Кто-то целуется возле стен, кто-то облюбовал диван. Не вечеринка, а оргия какая-то!

Это меня сейчас по заднице шлепнули? Оборачиваюсь. Мне подмигивает какая-то девица и тут же теряется в толпе.

– Привет, не хочешь составить компанию наверху? – Притягивает к себе другая незнакомка, удушая едким перегаром.

– Нет. Вон отсюда. – Отшвыриваю ее от себя и пытаюсь пробраться наверх, медленно обходя пары, валяющиеся на ступеньках. На втором этаже еще хуже – открыты все комнаты. Забегаю в свою спальню, чтобы спрятаться и прийти в себя, но не тут-то было.

– Какого черта? – ору, заметив в темноте две пары, трахающиеся на моей кровати. Уму непостижимо! Просто слов нет! Только рвать и метать остается! – А ну пошли отсюда! – Но их мое появление не смущает, продолжают заниматься сексом, словно меня нет. А мне настолько гадко и тошно, что хватаю голую девушку и стаскиваю ее с парня.

– Эй, бро, иди выпей...

– Вон! Живо все вон отсюда! – Включаю свет, слышу визг и мат, но меня это мало волнует. А ведь Джесс тоже где-то здесь. Наблюдаю, как ребята впопыхах натягивают одежду, зло поглядывая на меня, и гурьбой покидают спальню. Захлопываю дверь и действительно оказы-

ваюсь в аду. Грохот музыки, перемежающийся с криками молодежи и автомобильными клаксонами. Не понимаю, как это терпят соседи, почему никто не вызвал полицию? Ну, Джесс! Ну, стерва, держись!

Решительно залетаю в ее комнату, но здесь никого, хотя дверь открыта. Выходит, они выбрали для секса только мою спальню? Просто прекрасно!

Отталкивая гостей, сбегая на первый этаж и пытаюсь найти Джесс, но людей слишком много. Диджей что-то кричит в микрофон, накатывает новая волна шума, тут и там взлетают пластиковые стаканчики, воздух пропитан алкоголем. Я в аду. Не помню, чтобы я так развлекался. Да, алкоголь был, и вечеринки тоже. Но не дома, в клубе.

– Эй, где Джесс? – Хватаю какую-то девушку за руку.

– Джесс? – пьяно переспрашивает она.

– Да, Джасмин! Это ее дом и ее вечеринка! – Дергаю девицу, она шатается, непонимающе хлопая накрашенными ресницами.

– Не знаю, кто такая... Я с парнем пришла...

Отшвыриваю ее и выхожу на кухню. Здесь не лучше. Голова кипит от ярости и безумства, которые несут меня на задний двор. Тут хотя бы людей не так много. Видно, все сосредоточились в доме и в моей спальне.

Потираю переносицу, готовый взорвать здесь все к чертям. Сворачиваю к пристройке с приоткрытой дверью. Оттуда слышен кажущийся знакомым стон. Очень знакомым. По наитию распахиваю створку и в тусклом свете мастерской Скотта вижу девушку, лежащую на столе с раскинутыми ногами.

– Ох, черт, глубже... давай, – долетает до меня шепот Джесс. Незнакомый парень орудует языком под ее коротенькой юбкой в складку, она сжимает его голову и стонет. Кусает губы, выгибается, длинные волосы свисают со столешницы, а стройные ноги раздвигаются еще шире.

– Боже, я сейчас кончу... не останавливайся, – молит Джесс, сжимая груди, слава богу, спрятанные под короткой кофточкой.

Она корчится в судорогах оргазма, кричит и извивается, пока парень крепко удерживает ее на столе. От этого зрелища я сглатываю тягучую вязкую слюну. Нужно уйти... я не должен смотреть на доступное девичье тело. Оно так притягательно. Это грязно, а я двинуться не могу. По позвоночнику будто проходит разряд тока и ударяет в член, накаляя его. Джесс закусывает верхнюю губу и выдыхает, улыбаясь, поглаживает волосы парня. На ее лице невероятное блаженство, и мне хочется увидеть это ближе. Сейчас я не понимаю, насколько это естественно, лишь вижу, как на моих глазах ей делают кунилингус и она полыхает от страсти. Ощущаю, как накален воздух, и покрываюсь потом, оглушенный осознанием, что готов сам довести себя и кончить.

– Хороший мальчик. – Красное лицо парня мне не знакомо. Он облизывает губы и поднимается.

– Теперь твоя очередь, Джи. – Он хватает ее за затылок, и она тихо смеется.

– Я уже удовлетворена, поищи кого-нибудь другого. – Хлопает его по щеке и отталкивает.

Отмираю в секунду, делая шаг назад. Бегу обратно в дом, чтобы прижаться к стене и понять, что это было. Что со мной происходит? Я не должен так возбуждаться, наблюдая за развратом. Я не ханжа, но это... это было более чем эротично. Я пробовал и оргии, и групповые сеансы, но было иначе. Скучно. А сейчас перед закрытыми глазами стоит лицо Джесс, искаженное от наслаждения, от желания получить оргазм, и это видение заставляет еще больше окрепнуть член. Отвратительно, но я словно попал в водоворот разврата, которого давно не испытывал. Секс за последние два года стал для меня чем-то обычным. А сегодня... Сегодня чувствую себя потерянным, попавшим в большой мир, где вокруг меня кружатся яркие огни, и чувство тошноты подкатывает к горлу. В ушах шумит, меня даже трясет оттого, что эмоции

накрывают с головой, забивают глаза, рот... Даже нос чувствует аромат похоти. Мелькает короткая розовая юбка в складку, светлые кончики распущенных волос.

– Джесс... – хриплю, отталкиваясь от стены. Цепляюсь за кого-то руками и отбрасываю, словно обжигаюсь. Кручу головой, снова повторяя ее имя, но... она уже исчезла. Вновь слышу смех, кто-то шупает меня за задницу, другая рука проводит по рубашке на груди.

– Отвали, – цежу, не думая о том, с какой силой толкаю человека позади себя. Снова кручусь среди гостей. Ад из тысячи лиц, улыбок, поцелуев, стонов. Схожу с ума. Калейдоскоп вращает меня, ядреная паника покрывает все тело липким потом.

Поворачиваю голову. Под звуки рока, бьющего басами по вискам, скачет девушка, сверкая голыми ягодицами. Белья на ней нет, и стоящий рядом парень не упускает возможности схватить ее за задницу и притянуть к себе, завладеть губами. Я его вижу в первый раз, но на моей памяти это уже третий за такое короткое время. И будто пелена спадает с глаз, рождая внутри невероятной силы гнев и злость, каковых не помню в своей жизни. Никогда я не вспыхивал так сильно, чтобы превратиться в чудовище.

Сцепив зубы, разворачиваюсь и направляюсь к стойке диджея.

– Эй... – Не давая ему возмутиться, с силой толкаю. Он падает в толпу, а я вырываю из розетки все шнуры, и наступает блаженная тишина. На меня устремлены десятки глаз, но я нахожу одни. Изумленные, а через секунду – насмешливые.

– Все. Вон, – произношу громко и четко. На раздавшееся возмущение реагирую сильным ударом по ноутбуку, стоящему передо мной. Он отключается.

– Я сказал – вон! Увижу кого-нибудь через минуту – вызову полицию! Проведете время в тюрьме! Вон! – Хватаю ноутбук и швыряю об стену.

Визг, крики и полный бедлам, пока молодежь сбегает, толкая друг друга.

– Флинт! Мать твою! Ублюдок! – Среди всех распознаю голос Джесс, она медленно подходит ко мне. Голубые глаза сверкают от ярости, маленькие ладошки сжимаются в кулаки. Это меня злит еще больше. Стерва. Потаскуха. Убью. Хочется придушить ее, сжать горло и услышать слова извинений за все, что она во мне затронула.

– А ты сейчас получишь, – указываю пальцем на Джесс, спрыгивая с импровизированной сцены.

Меня не волнует, что обо мне подумают оставшиеся люди. Смотрю на нее, готовую драться со мной за эту паршивую жизнь, но мне этого мало. Мало остановить бедлам и рассадник похоти, мне нужно наказать ее. Именно она стала моим сегодняшним кошмаром, разрывающим внутри, и она же поплатится за это.

– Как ты смеешь?! Будешь оплачивать...

– Закрой свой грязный рот! – Повышая голос, хватаю ее за руку и тащу за собой.

– Отпусти меня! Флинт! Живо отпусти! Убью! Козел недоразвитый! – визжит Джесс, пытаюсь вырваться. Обхватываю ее за талию и несу по лестнице.

– Я покажу тебе, какие бывают последствия! Научу, как это быть приличной! Шлюха! – Меня не особо трогают ее попытки освободиться. Я сильнее, крупнее и выше на целую голову. А сейчас к огромной мощи добавилось желание раздавить ее в своих руках. Причинить боль, которую она на всю жизнь запомнит. И подливают масла в огонь картинка разбросанных ног, ее стоны и порочная мольба.

– Отпусти! Ненавижу тебя! Хочу, чтобы ты убрался навсегда! Оставил нас навсегда! Ты здесь не нужен! Ты лишний! Предатель! Подонок! – кричит Джесс, и я, расслабляя руки, толкаю ее к стене в ванной.

– Подонок? По какой причине я стал подонком? Потому что не желаю видеть, как тебя трахают? Потому что это все не ты, Джасмин? Ни черта я не лишний! Тебя пороть некому! Избалованная маленькая потаскуха! – Воздуха не хватает от злости, кипящей внутри.

– Да, шлюха! И мне нравится быть такой! Мне нравится трахаться с разными парнями и сосать! Обожаю члены! Обожаю трястись от оргазма! Обожаю быть потаскухой! – Безумный смех вырывается из ее груди. Ужасает то, что она превратилась в низшее существо, не понимающее, насколько унижительно быть такой. – Ты же питаешься шлюхами, выбираешь их, чтобы насадить на свой член, а потом жениться на них. Так чего ты возмущаешься? Лицемер! Ты хотя бы знаешь, как тебя называют? Тупой кобель, трахающийся без разбора. Наслаждающийся развратом наркоман. Не строй из себя добропорядочного, ты окончательно потерял это свойство. Это ты шлюха, которую использует каждая девка, умеющая сосать. Ты...

Не выдерживаю оскорблений и взрываюсь. Хватаю Джесс за волосы и наклоняю над раковиной.

– А вот теперь я вымою твой рот, как обещал, – шипя, открываю воду и выдавливаю на ладонь жидкое мыло.

– Отпусти! Больной...

– О да, больной, наркоман. Что еще скажешь, шлюха? Как еще обзовешь?

Схожу с ума, хватаю ее за подбородок, заставляя открыть рот. Джесс дерется, пинается, царапает руки, но мне удастся растереть мыло на ее языке.

– Отмою твой рот, чтобы ты напрочь забыла о том, что такое член! Вкусная сперма была? Заешь ее мылом!

Мне мало. В такой ярости я еще не был. Кажется, злее стать нельзя, но бешенство с каждой секундой только нарастает. Наслаивается, пока я с силой натираю ее язык и подставляю рот под воду. Кашляет, удары становятся слабее.

– Я убью тебя... кастрирую, – шипит она, выплевывая и разбрызгивая воду.

– Убьешь? Попробуй! Это ты сейчас получишь! За все, что сделала! – Подхватываю пальцами ее юбку и немного отклоняюсь. Оголенные ягодички манят, застилая сознание алым туманом. – Нравится секс? Так получай! – С размаху и с немыслимой силой моя ладонь встречается с ее попой. Джесс дергается, кричит, но я еще грубее хватаю ее за волосы, чтобы она захлебнулась водой.

– Нравится быть оттраханной? Нравится узнавать, что такое взрослая жизнь? Пожалуйста! Боль нравится? И это я тебе дарю! – Новый удар, ладонь уже горит. Кожа Джесс окрашивается в розоватые отблески моих отпечатков, а мне все мало. Луплю ее снова и снова, пока она не затихает, а разум не откликается на тихие всхлипы.

Секунда, чтобы понять, как болит рука. Секунда, чтобы резко выпустить ее и отскочить. Секунда, чтобы моментально остыть и ужаснуться. Довела... довела до сумасшествия. Я не узнаю себя. Чудовище.

– Ненавижу, – плачет Джесс и выпрямляется. Потекшая косметика превратила лицо в отвратное зрелище, глаза опухшие и красные от слез.

– Конфетка...

– Ненавижу тебя. Когда-то я думала, что ты часть моей души. Что ближе человека у меня не будет. Когда-то ждала тебя. А сейчас ненавижу... тихо, в сердце. Ненавижу за то, что унизил меня. Ты никто... никогда не станешь близким снова... ненавижу. – Каждое слово сопровождается всхлипами, ее трясет.

Какая она маленькая и слабая. А я ублюдок.

– Джесс... прости... Джесс... – Делаю шаг к ней. Сам себе противен. Я в ужасе, в ступоре от того, что действительно отлупил ее.

– Не подходи. – Выставляет вперед дрожащую руку и пятится к двери в ее спальню.

– Джесс, прости меня, я с ума сошел... не ведал, что творю...

– Хочу, чтобы ты исчез. Навсегда. Без тебя... было намного лучше. Ненавижу... не подходи ко мне... не смей... – Ее тихие всхлипы тонут в грохоте захлопнувшейся двери.

Меня бросает в ледяной пот. Так и держу перед собой ладонь с полыхающей кожей. Мне страшно. Я не знал, что могу на такое решиться. Не знал... но оправдание у меня есть. Не хочу, чтобы она была такой. Я мечтал увидеть совершенно другого человека, который не будет говорить мне, как любит мужчин. Я мечтал, чтобы она стала намного лучше, чем я. Но узнаю себя. В этом создании отчетливо вижу себя. Отражение, которое тоже противно.

От мыслей становится больно в груди, словно меня бьют. Сердце отвечает такими же острыми ударами, а слышимый через дверь плач Джесс усугубляет мое состояние.

Выключаю воду и сбегаю к себе. Сжимаю руками голову, чтобы оборвать круговорот событий, не видеть перед глазами то удовольствие на ее лице, то слезы. Не повторять ее слова и не причинять себе боли. Я все вытерплю, но не ее боль. А я причинил ей страдания. Не мое это дело – лезть в ее воспитание. Не мое... Я лишний. Здесь все чужое, я стал самым чуждым звеном в семейной цепочке. И обострил положение.

Не понимаю, откуда такое желание, но хочу, чтобы именно она приняла меня. Позволила остаться, заново узнать ее, подружиться. Все, что сегодня произошло со мной, вышло за рамки семейных отношений. Мне лучше уехать, сбежать, чтобы не натворить глупостей. Их я и так сделал достаточно, сам показал, что быть доступным правильно, и меня трясет от понимания этого. Хоть самого себя рви за ошибки в надежде вернуть обратно время, когда мог что-то исправить. Быть рядом, наблюдать за ней и не позволить оступиться. Но моя глупость и юность, жажда скрыться и доказать неведомо что неведомо кому, уже сотворили непоправимое в прошлом.

В доме тихо. Как в тумане бреду по коридору, пиная разбросанные стаканчики. Кругом бардак, перевернутая мебель, разбитый плафон, липкий пол и отвратительный запах, а меня это не волнует. Сажусь на диван и просто смотрю перед собой. Не знаю, когда я превратился в того мужчину, который живет во мне. Не понимаю, какой черт дергает меня дотрагиваться до девушки, которая приходится мне племянницей. А еще страшнее осознавать, что мне это нравится. Нравится ругаться, воспитывать, видеть страсть в ее глазах, даже когда она говорит ужасные слова. Нравится до сих пор горящая ладонь и воспоминания, где картинка подстраивается под мои фантазии. Где только для меня звучат стоны Джесс. Кажется, что сгущающийся воздух читает мои мысли. Знает обо всем и смеется.

Я должен уехать, потому что со мной что-то творится. Было ошибкой сюда вернуться, ошибкой думать, что смогу разобраться в себе. Нет! Я не изменюсь, причин нет. Прилечу в Нью-Йорк, встречу очередную пассию, чтобы забыть о происшествии, потом женюсь – адский круг, мне не подвластный. Но последнее, что я должен сделать, это извиниться. И пусть моя жизнь летит к чертям, пусть я давно потерял себя и уже нет смысла искать, но ее спасу. Только как, когда чувствую себя больным монстром?

Поднимаюсь обратно в таком же тумане и сумятице.

– Джесс, открой, нам надо поговорить. – Стучусь в ее спальню. – Не хочу, чтобы ты меня ненавидела. Я помню тебя другой... Черт, да я не могу видеть, как тебя трогают, наблюдать, как ты корчишься от оргазма! Не могу принять этого. Джесс...

Надавливаю на ручку, дверь поддается. Думал, что заперта.

– Джесс, конфетка, прости меня, – продолжая раскаиваться, вхожу в темную спальню. Ни ответа, ни хозяйки. Окно распахнуто настежь, а она ушла. Убежала, испугавшись, и еще больше дорвала мое сердце.

– Прости меня, – говорю в пустоту, запустив пальцы в волосы.

Преследовавший меня сладкий аромат кружит в своих объятиях, напоминая, что все изменилось. Время ушло, и никто его не подарит вновь, чтобы доказать единственному человеку, который в меня верил, – я этого достоин.

Расплачивайся, Флинт, сам виноват. Потеряй человеческий облик, стань настоящим посмешищем – вот она, твоя жажда быть другим. Ты стал им. Только принесло ли это счастье?

Глава 5

Два дня мучений и ожидания. Я убирался в доме, ремонтировал поломанное и... ждал. Джесс так и не появилась. Не знаю, что делать. Принял решение уехать, но сначала нужно извиниться. А ее, как назло, нет. Это сводит с ума больше, чем безумная вечеринка и порнографические картинки в голове. Из дома выходил лишь на пару часов, чтобы не пропустить возвращение Джесс, но она так и не появилась. У меня не остается выбора, кроме как позвонить сестре, чтобы узнать адреса подружек. Не хочу, но я должен это сделать. Обязан вернуть Джесс домой и объясниться, иначе вина съест меня.

На третий день не выдерживаю ломки и звоню. После долгих гудков наконец раздается сонный голос:

– Да.

– Зои, привет. Прости, что отвлекаю тебя от отдыха. Но мне нужно... хм, нужен адрес подруги Джесс. Меня пригласили на вечеринку к одной из них, но я не запомнил куда, – вру напропалую.

– Флинт? Ты собрался на вечеринку? – удивляется Зои, фоном слышится голос Скотта.

– Да, чтобы следить за Джесс и не дать ей попасть в неприятности.

– Понятно, – смеется она. – В нашей спальне в правой тумбочке найдешь блокнот, там адреса на фамилии Дриз и Атейнсон. Тебе они и нужны. У вас все хорошо?

– Да, все прекрасно. Мы поговорили с Джесс и пришли к согласию, – заверяю ее.

– Молодцы. Веселой вечеринки, только прошу, не женись ни на ком...

– Зои, все. Хорошего отдыха.

Кладу трубку и закатываю глаза. Я, конечно, идиот, но не настолько, чтобы жениться на восемнадцатилетней. Да и педофилией пахнет. Они еще дети, пусть игры у них совершенно не детские. Взять хоть Джесс на столе... Так, не думать об этом.

Нахожу упомянутый блокнот и переписываю себе адреса. Еду сначала по первому, где мне сообщают, что дочь находится у Кади Дриз, той самой блондинки. Останавливаюсь у большого дома. Он намного лучше, чем у моих родственников, и внутри снова появляется неприятное чувство. Я мог бы купить им такой же, даже лучше. Или построить что-то необычное, нарисовав планы и эскизы и прислав своих строителей. Все мог, но не сделал. Нажимаю на звонок и делаю глубокий вдох. Дверь распахивается, и по мне скользит удивленный взгляд блондинки.

– Привет. Я Флинт, дядя Джесс. Она у тебя?

– Привет. Нет, не у меня, – тянет девушка.

– Врешь. Позови ее.

– Да правда, у меня ее нет. Джи исчезла после вечеринки, которую ты испортил. У нее бывает такое. То пропадает, то появляется. Может, у Билли. Хотя нет, она с ним вроде рассталась. Не знаю.

– Ты же подруга, должна знать. Тайны там, девичьи штучки... – Прищуриваюсь, не веря ей.

– Джи скрытная в плане своих мыслей и желаний, а я не настаиваю.

– Ясно. Если появится, передай ей, что я уезжаю и хочу с ней поговорить. Идет?

– О'кей, – кивает она.

Уже идя по дорожке к машине, слышу насмешливый вопрос:

– Эй, Трахни меня, а это правда, что ты был женат десять раз?

– Что? – Недоуменно оборачиваюсь.

– Джи говорила...

– Как ты назвала меня?

– Трахни меня. Так Джи тебя называет, – продолжает хихикать блондинка. – Ну так что? Был женат десять раз? И сейчас разведен?

– Всего пять. И да, сейчас разведен, – зло цежу я.

– Не хочешь снова жениться? Обещаю, буду хорошей девочкой.

Это издевательство какое-то. И до этого города дошла моя «слава».

– Нет. Не собираюсь. И хорошие девочки ведут себя иначе, чем ты и твоя подруга.

Прекрасно. Замечательно. Одуреть! Как Джесс могла рассказывать им про меня, еще и выставить в таком свете? Почему «Трахни меня»? Что за пошлость? Есть место, где про меня никто не узнает? Хоть маленький остров, куда я свалю из этой страны? Черт возьми, что происходит? «Трахни меня». Я же ее дядя, в конце концов, хоть какое-то уважение должно быть! А она меня унижает и ни во что не ставит.

Щелкаю пультом, меняя картинки на экране. Когда я в последний раз вечером сидел дома? Не помню. Даже когда был женат, мы обычно торчали или в баре, или в ресторане, или на каком-то приеме. Моя жизнь была наполнена движением, гонкой в никуда. А сейчас тишина и спокойствие, которых никогда не знал.

Над головой раздается глухой грохот. Я подсказываю, выключаю телевизор и прислушиваюсь. Определенно наверху кто-то есть. Еще грабителей не хватало, хотя что здесь брать? Не вижу ничего подходящего. Да и плевать, мне сейчас все равно, даже если прикончат. Медленно поднимаюсь по лестнице. Больше ни единого звука – может, я окончательно спятил? Но все же останавливаюсь у комнаты Джесс и приоткрываю дверь. Различаю силуэт девушки, сидящей на широком подоконнике.

С облегчением, даже неким подобием радости слышу грубый голос:

– Свали отсюда.

– Конфетка, прости. Я искал тебя. Где ты была? – спрашиваю, подойдя к Джесс.

Короткие шорты, бесформенная майка на одно плечо, волосы, небрежно собранные на макушке. Но взгляд привлекает огонек, озаряющий лицо.

– Ты еще и куришь, – горько усмехаюсь, когда девушка снова затягивается и демонстративно выдыхает дым в мою сторону.

– Свали отсюда. Серьезно, Флинт, у меня нет желания видеть тебя после того, что ты сделал, – как-то безжизненно, что ей несвойственно, произносит Джесс и вновь отворачивается к открытому окну.

А я не могу двинуться. Смотрю на нее и вижу другого человека. Я не знаю ее, не понимаю. Прошлые намерения рушатся, возникает желание задержаться, наблюдать, как она подносит к губам сигарету и затягивается, как выпускает дым пухлыми, изумительной формы губами.

– Ты перестал понимать человеческую речь? – Бросает на меня усталый взгляд.

– Прости меня. Правда, я никогда в жизни не бил женщин. А в тот момент... Черт, Джесс, сложно объяснить. Я ведь помню тебя ребенком, который даже слова «секс» не знал. А сейчас вижу разгульную девушку, употребляющую алкоголь, курящую и трахающуюся с кем ни попадя. У меня крышу сорвало. Мне сложно принять это, понимаешь? И мне нет места нигде. Ты права, я знаю, что такое быть преданным и брошенным. Прости меня, миллион раз прости за то, что сделал. Наверное, прошлое так ярко запомнилось мне, потому что там была ты. А в эти дни... Скажи хоть что-то. Поговори со мной, пожалуйста, мне это необходимо. – Подхожу ближе и прислоняюсь к распахнутой створке окна.

– Мне нечего сказать. Лучше уезжай и найди себе еще кого-нибудь, забудь о нас и живи как раньше. – Джесс прочищает горло и снова затягивается. А я вдыхаю забытый дым, и так хочется снова быть безумным, полным амбиций, живым. Но сейчас, в эту минуту, никто из нас не живет. Она ведет себя странно, на лице ни одной эмоции – лучше бы кричала, чем-то швыряла в меня. Тихая ненависть страшна, она убивает.

– Поделишься? – Джесс поворачивается, приподнимая брови. – Сигаретой поделишься? – Указываю на пачку, лежащую у нее на коленях.

– Ты же бросил, не куришь. Стал правильным, – усмехается.

– Задолбался я, конфетка, быть таким. Хочу вернуться в красочное прошлое. Поделись со мной, меня уже трясет от едкого, но такого нужного сейчас аромата дыма.

Джесс подтягивает ноги к груди и садится ровнее, взглядом указывая на место напротив. Благо подоконник достаточно широкий, думаю, сделан специально для таких посиделок. Устраиваюсь, свесив одну ногу, и ловлю брошенную мне пачку. Достая сигарету, зажимаю зубами. И что-то внутри переворачивается.

Ох, черт, какое это наслаждение... Моя вторая жена была против курения, и я бросил, желая сделать ее счастливой. Она-то осталась, довольная, с моими деньгами, а я лишился губительной радости.

Только хочу спросить о зажигалке, как Джесс, придвинувшись, приближает лицо, и наши сигареты соприкасаются. Я смотрю в голубые глаза. Они не осуждают, ничего не требуют, только искрятся ожиданием. Делаю несколько резких затяжек, раскуривая сигарету, улыбаясь, выдыхаю дым. Блаженство. Готов кончить от горького аромата, втягивающегося в легкие.

Джесс снова прижимается спиной к противоположной стороне оконного проема. Закрываю глаза. Нас окутывает тишина. Я знаю, что за мной наблюдают. Мне не хватало этого. Так сильно не хватало ее, но только сейчас это понимаю.

– Я блефовала, – подает голос Джесс.

– По поводу?

– В интернете нет ничего про тебя и твоих жен, кроме упоминания о разводах. – Она пожимает плечами, а я издаю смешок.

– Ты задела меня. Сильно задела.

– Знаю. Этого и хотелось. Я ненавижу тебя за то, что ты сделал. И смотреть на тебя не могу. – Она кривится и тушит сигарету в пепельнице, стоящей на карнизе за окном.

– Почему ты не простишь меня? Я всего лишь человек и тоже могу совершать ошибки. – Сглатываю горечь и кручу сигарету в пальцах.

– Не могу. Ты ни разу не позвонил. Я оставляла для тебя сообщения, когда нужна была помощь. Ты не отвечал. А теперь приехал, словно ничего не было. Еще и понимания от меня ждешь. Нет, я не понимаю. У тебя была прекрасная жизнь, она и сейчас такая, ты просто зажрался. Имеешь кучу денег, столько же женщин и развлечений, а меня от тебя тошнит.

Я вижу это в ее глазах. Все, о чем она говорит. Мне и ответить-то нечего. Она права, я именно такой. И причинил ей боль за то, что не все вышло по-моему.

– Каждая из моих жен мне изменяла. Первая вышла за меня, чтобы получить гражданство и, разведясь, обеспечить его своему парню. Он пришел в нашу квартиру и сказал, что его терпение лопнуло. Тогда я еще не думал о брачном договоре. Глупец. Пришлось отдать ей все деньги, только чтобы сохранить квартиру, подаренную родителями. Вторая... была идеальной. Принцесса, которую я носил на руках. Пышная свадьба, сотни гостей, статья в журнале. Я пропадал на работе, чтобы она могла купить себе брендовые шмотки. И однажды вернулся в нашу новую квартиру, где она была не одна. Третья моя жена... Это был самый короткий брак. Несколько часов. По пьяни женился в Лас-Вегасе, там же и развелся. Утром, когда понял, что натворил. С четвертой у нас была разница в пять лет, я решил попробовать, как это – быть младше. Она была умной, хитрой, только потом узнал, что у нее есть рабы, мужчины, которые ей прислуживают. Как же гадко мне было... Пятая. Я думал, что нашел ту самую. Милая, спокойная, ей было двадцать три, когда мы поженились. Этот брак длился два года. Но она устала ждать меня с работы, устала не получать ласки и каждодневного секса. Изменила и сама же призналась во всем. Призналась, что и любви-то не было, она хотела только статуса. Тогда я и понял, что гонялся за призраком – в этом мире ничего хорошего нет. Да, я богат,

но потерял себя. – Сильнее затягиваюсь сигаретой. На душе гадко и обидно. Чувствую себя слабым. Наивным идиотом, который повелся на сказки и стал посмешищем. А теперь не до смеха. Сiju и прокручиваю в голове свою пустую жизнь.

– Им не хватало секса? Ты не мог? Или скорострел? – спрашивает Джесс.

Боже, да как можно с ней это обсуждать?! Но она спокойно ждет ответа.

– Нет, просто уставал, потому что много работал. Иногда на завтрак времени не было. Хотел обеспечить каждую, а они не желали этого понимать. Возможно, это и моя ошибка. Возможно, я все видел, и мне был неинтересен секс с ними. Я хотел семью. – Наклоняясь, тушу сигарету и снова устраиваюсь на подоконнике.

– То есть причина твоих свадеб – желание иметь семью? – недоверчиво переспрашивает Джесс.

– Зои когда-то сказала, что у меня ничего не выйдет. А ты в меня верила. Я хотел доказать, что все получится. Старался изо всех сил, а итог ты знаешь. Разочаровал тебя, сестру, даже родителей предал. Приехал сюда неизвестно зачем. Потянуло. Мне плохо, конфетка. Знаю, что это не подходит мужчине. Потерял себя, не понимаю, кто я такой. Смотрю на все с отвращением, никому больше не доверяю, да и секс не привлекает. Я попробовал в этой жизни все, но не получил ничего хорошего.

Не помню, чтобы когда-то я так просто говорил с женщиной, девушкой или любой из моих партнеров. Для них хотелось быть самым лучшим, без изъянов, эдаким прекрасным принцем, у которого все отлично. А сейчас все наоборот. Джесс видит меня в самом неприглядном свете, и это кажется правильным. Только ей и смог бы признаться.

– Ты пробовал не то, для чего был рожден, Флинт. Ты ошибся в самом начале, и не жизнь виновата, а ты сам. Мне не жаль тебя, и радости тоже не испытываю. Ничего, – равнодушно отзывается Джесс и отворачивается.

А чего я ждал? Что она упадет мне на грудь и заверит, что я лучше, что это мир жесток ко мне? И я пока не нашел ту самую, но она вот-вот появится? Я заслужил только хорошее? Нет, она честна. На удивление, это приносит не боль и обиду, а принятие прошлого. Раньше я не мог это сделать, искал причины ошибок в других, обеляя сам себя, не видел настоящего хода событий. Теперь вижу.

– Ты упомянула, что у Зои было два выкидыша. Почему? – спрашиваю, вспомнив.

– Проверь почту, найдешь много интересного, – фыркает Джесс. Наверное, сейчас снова прикажет выйти вон или что-то в том же духе, но время идет, а она не двигается, смотрит в окно. – Первый случился давно, когда мне было лет тринадцать. Срок был небольшой. А второй два года назад. Внематочная беременность, мы маму чуть не потеряли. – Джесс сглатывает, а я зажмуриваюсь от невыносимого стыда. – Ей сделали операцию. Я звонила в твой офис, переборола себя и позвонила. Мне сообщили, что ты в Европе в свадебном путешествии, вернешься через пару недель и просил не беспокоить. Дальше я не слушала. Зои нужен был ты. Когда она отходила от наркоза, звала тебя и папу. А ты развлекался.

Справедливый упрек. На душе становится еще гаже.

– Если бы я знал...

– Ты не знал, потому что не хотел, – резко обрывает она меня. – Скажи, как ты мог? Неужели не осталось ни грамма любви? Я не говорю о нас, мы тебе никто, но сестра твой самый близкий и родной человек. Именно к ней ты и сбежал. Только она осталась у тебя, когда все, кого ты якобы любил, бросили.

– Не могу ответить, Джесс. Не надо так со мной. Да, я еще тот подонок, но готов быть другим. Не могу вернуть и переиграть прошлое, но в моих силах сделать что-то сейчас.

Придвигаюсь к ней. Она прищуривается, словно решая, поверить или нет. А я хочу, чтобы верила. Мне нужно это. Я желаю обратно свою конфетку.

– Я готов сделать все, чтобы ты меня простила и помогла мне...

– Вымой язык с мылом и отшлепай себя, – предлагает ехидно.

– Хорошо. Вымою, но отшлепать себя будет сложно, – издаю смешок, и она слабо ухмыляется. – Прости за то, что я сделал. Я о том, что было после вечеринки. Но пойми, у меня в голове не укладывается, что ты выросла и очень... с каким-то идиотским безумием любишь секс. Так одеваешься, выражаешься. Стала другой. Это был крах всех воспоминаний, и я сорвался. Но я же хочу для тебя лучшего, правда! – Касаюсь ее колена, и Джесс вздрагивает. – Позволь реабилитироваться в твоих глазах. Мне важно именно твое одобрение. Разреши снова узнать тебя и наладить отношения. Обещаю, больше вас не брошу. Никогда.

– Это слова, Флинт. Они не имеют никакого значения, особенно твои обещания.

– Но я обещал не тебе, а небесам, насколько помню. Если кто и должен обижаться, так это они, – напоминаю ей.

– А ты разве не чувствуешь их обиду? – Джесс бросает взгляд на небо, затем снова на меня.

– Я чувствую только твою обиду, злость и ненависть, это неприятно. – Скривившись, поднимаюсь с подоконника.

– Это и не должно быть приятно. Это должно принести боль.

– Она уже во мне. Что еще нужно, чтобы раскаяться? Что ты хочешь, чтобы я сделал? – Злюсь оттого, что она продолжает давить на нервные окончания всей моей души, и поворачиваюсь к усмехающейся Джесс.

– У меня много желаний. Очень много, Флинт, – издевается она, а я на секунду закрываю глаза, чтобы взять себя в руки и не начать орать.

– Трахни меня, – произношу вслух то, что вдруг вспыхивает в голове.

– Что? – недоуменно переспрашивает Джесс.

– Твоя подружка, не запомнил имя... Я был у нее сегодня, и она сказала, что ты дала мне кличку Трахни меня. Почему?

– Сучка, – кривится девушка. – Первые буквы. Флинт Миллард. Трахни меня¹. А если третьей добавить букву второго имени Хейл, получится – «трахни меня жестче²».

– Одуреть, – шепчу шокированный.

– А это не так? Ты трахаешь все, что движется. Эта кличка идеально тебе подходит, – хихикает Джесс.

– Стерва. Ты не можешь так меня называть. – Тычу в нее пальцем, вызывая бурное веселье. Непроизвольно сам улыбаюсь.

– Могу. Это же правда, Флинт. Таков ты. Сколько у тебя было женщин? Сотни. Так чего ты возмущается? Трахни меня – это ты.

– Ты тоже трахаешь все, что плохо лежит. Зачем? Ты же понимаешь, что это может повлечь нежелательные последствия. Черт, даже болезни.

Ее улыбка из веселой становится безумно эротичной.

– При виде меня ничего не лежит, Флинт. Наоборот, стоит так, что сводит с ума. И мне нравится набираться опыта, пробовать многое. Тем более я предохраняюсь, у меня целая коллекция презервативов и таблеток от нежелательной беременности. Мне нравится наслаждение, нравятся оргазмы, а тебе, видимо, нравится за мной наблюдать. – Она свешивает ноги с подоконника и откидывается. Ткань на груди натягивается, являя взору отсутствие бюстгалтера.

– М-м... не понимаю, о чем ты говоришь. – Мотая головой, перевожу взгляд на вид за окном.

¹ От *англ.* fuck me.

² От *англ.* hardly.

– Флинт, ты стоял в дверях, когда этот... не помню его имени, мне отлизывал. Ты смотрел, извращенец. И тебя было сложно не заметить, – растягивает Джесс слова, а я готов сквозь землю провалиться.

– То есть ты знала, что я там, и продолжала?

– Это заводит. Признаюсь, сильно заводит. Так я еще не кончала. Понравилось?

– Господи, да не собираюсь я обсуждать это! – возмущенно всплескиваю руками.

– Ты уже начал, Трахни меня, сам начал это делать. Ты возбуждился, да? Месяц без секса для тебя подобно аду, наверное. Мозоли не натер? – смеется она, вскакивая на ноги.

– Прекрати. – Делаю шаг назад, а она, словно кошка, медленно, покачивая бедрами, приближается ко мне.

– Передергиваешь? – Ее глаза даже в темноте так странно блестят, что я сглатываю, ощущая, как подбирается возбуждение.

– Я не буду говорить с тобой о моем члене, Джасмин, – делаю еще один шаг. – Ты моя племянница, и ты... черт, это противоестественно!

– Ошибаешься, Трахни меня...

– Хватит так меня называть!

– Трахни меня жестче, ты ошибаешься. Я всего лишь девушка, неродная племянница, и у тебя стоит на меня. Я собираюсь мастурбировать и лечь спать. Хочешь посмотреть? – Обходит вокруг, а у меня внутри бушуют эмоции. Все тело напрягается от ее тихих слов, полных эротического подтекста.

– Нет... и не говори мне такое. Я твой дядя. Я на двенадцать лет тебя старше...

– И ничего не умеешь. Тогда беги, Флинт, потому что я начинаю, – шепчет Джесс и тянется к пуговице на шортах.

– Я многое умею!

– Покажешь? – Тянет замочек вниз.

– Прекрати, это не смешно. – Пячусь спиной к выходу.

– Очень, – улыбается она, а я забегаю в ванную комнату и хлопаю дверь.

– Стерва! – кричу ей.

– Трус! – отвечает, смеясь.

– Сумасшедшая и больная извращенка, – бурчу себе под нос, и губы сами растягиваются в улыбке.

Черт, это должно быть отвратительно, а мне смешно. Она издевалась надо мной, а я повелся как придурок. И это был наш самый длинный диалог за все время со дня приезда. Джесс сказала многое, над чем предстоит подумать. А еще попытаться принять факт, что она стала женщиной. Стала такой, каким был я когда-то. Мне это очень не нравится, и пока я не понимаю причин раздражения, когда слышу ее слова о сексе. Завтра разберусь с этим, а для начала проверю почту, чтобы убедиться, каким же уродом был в прошлом. Как деньги и любовь на одну ночь стали важнее семьи.

Эта ночь стала для меня откровением. Видеть, что письма так и хранятся в архиве непрочитанными, отвратительно. Мне не хочется их читать, потому что больно. Но я вернулся и готов платить по счетам. У меня есть время, чтобы все изменить и снова стать частью семьи. И я это сделаю. Докажу Джесс, что мне можно доверять, как раньше. И она поймет, что внутри до сих пор живет тот самый Флинт, который был ее другом. И сестра увидит изменения. И я вновь уеду, чтобы была возможность вернуться. Возможно, навсегда.

Глава 6

В мозг врывается громкий стук, и я подсакиваю на постели. Сердце от испуга скачет в груди. Моргая, прислушиваюсь. Раздается визг электрической пилы и снова удары. Сквозь этот шум слабо прорывается музыка.

Голова трещит от раздумий и бессонной ночи, а за окном давно светит палящее солнце. Оно не приносит мне тепла, только усталость. Поднимаюсь с кровати и натягиваю штаны. Выходя из спальни, замечаю, что дверь в комнату Джесс открыта, а ее нет. Но снова гул голосов и стук, словно рядом что-то ремонтируют.

Медленно спускаюсь по лестнице и понимаю, что звуки раздаются с заднего двора. Протираю еще сонные глаза, выхожу на веранду и открываю в изумлении рот, потому что именно у нас происходят строительные действия. Трое парней с оголенными торсами пилят какие-то бревна, стучат молотками, сверлят. Среди этого бедлама вижу Джесс в коротком облегающем платье, явно флиртующую с одним из накачанных ребят. Черт, я среди них чувствую себя старым и дряхлым. Их тела блестят от пота, даже в воздухе запашок чувствуется.

– Джасмин! – зову ее, перекрикивая шум. Девушка поворачивается и показывает парню, что сейчас вернется.

Ожидая, когда она, раздаривая улыбки парням, дойдет до меня.

– Выглядишь ужасно.

– Нормально выгляжу. Я только что проснулся от шума. Что здесь происходит? – возмущаюсь обиженно. Ну да, не занимался собой уже пару недель, но все же еще хорош. Чуть-чуть помят, но кто выглядит по утрам, как с обложки?!

– Ах, это. Я планирую сделать беседку для родителей к их приезду. У папы времени не было, а мама о ней мечтает. А напротив хочу разбить прудик с фонтаном и запустить туда рыбок. Для Карвера. Заводить животных ему запрещено из-за астмы...

– У Карвера астма? – удивляюсь я.

– Да. Видимо, это ты тоже не читал. Болезнь у него с рождения. И ему нельзя иметь кошку или собаку, а рыбок он сможет кормить и развлекаться. Думаю, прекрасная альтернатива. – Она спокойно пожимает плечами и оборачивается.

Один из парней поднимает голову и, на секунду перестав пилить, улыбается ей и подмигивает. А эта стерва ему поцелуй воздушный шлет.

– Я могу помочь. – Хватаю Джесс за локоть, заставляя посмотреть на себя. Хоть так оторвать ее внимание от молодой крови.

– Ты умеешь работать руками? – усмехается она. – Я не имею в виду онанизм, Флинт.

– Боже, хватит! Нет, пилить я не умею, но у меня есть деньги. Закажу лучших строителей, и они...

– Закрой рот. От тебя мне ничего не нужно, – грубо обрывает меня и идет в дом.

Поджимая губы, следую за ней.

– Но я могу помочь, Джесс. Вместо того чтобы вот эти... эти уроды работали здесь. Ты вообще хорошо их знаешь? Может, они не умеют ничего и все испортят? Еще хуже – обворуют вас, – нахожу, по моему мнению, очень веские доводы, пока Джесс копается в холодильнике и достает несколько баночек лимонада.

– Я их прекрасно знаю, Флинт. И они замечательные парни, умеющие работать не только руками, но и... Хотя тебя это не касается, – смеется она.

– А ну стой, – обхватываю ее плечо, – только не говори мне, что они работают за «просто так» и ты их уже обслужила. Ты спала с ними? – Зло прищуриваюсь.

– Нет, они работают не за «просто так». Я оплачу их помощь. И нет, с ними я пока не трахалась. Но это в планах. Как тебе сразу с несколькими? Ни разу не пробовала. – На секунду задумывается, и ее глаза темнеют от фантазий, которые мне абсолютно не нравятся.

– Только посмей, – предостерегаю.

– И что сделаешь? Отшлепаешь? Вперед, мне понравилось, – дергает она плечом, сбрасывая мою руку. Да черт возьми, меня сейчас разорвет от ярости!

– Это отвратительно.

– Как посмотреть и куда посмотреть. – Джесс идет обратно, я за ней. Немного быстрее, чтобы не дать выйти на террасу.

– Что еще, Флинт? – закатывает она глаза, прижимая к груди прохладные баночки, и от этого ее соски отчетливо выпирают через тонкую ткань. Боже, у нее вообще бюстгальтера нет?

– А деньги? Вряд ли родители тебе их дали. Откуда деньги, чтобы заплатить за работу?

– Не твое дело. – Она пытается обойти меня, но я не позволяю. Складываю руки на груди и недовольно сверлю ее взглядом. – Насосала. Сойдет? – Толкает меня и выбирается на террасу.

Рычу от злости. И ведь не знаю, правду она сказала или специально меня заводит. Отвратительное утро.

– Ребята, перерыв. Десять минут, затем продолжим, – оповещает парней Джесс и раздает им баночки. Они окружают ее и что-то рассказывают, то демонстрируя свои бицепсы, то поглаживая пресс. И все пялятся на ее грудь! Дерьмо, я убью их!

– Джасмин, – шиплю, сбегая по лестнице и буквально расталкивая парней.

Они удивленно смотрят на девушку.

– Это мой дядя. Флинт. Не обращайтесь на него внимания, лучше на меня. – Джесс отпикивает меня бедром в сторону.

– Работать. Живо! – Оглядываю каждого.

Они хрюкают от смеха и подмигивают моей племяннице. Не верю, что она с ними не спала! Они так на нее смотрят, раздевают глазами... хотя было бы что снимать. Она и в платье демонстрирует свои формы, оно слишком тонкое. Она что, вообще без белья? Черт возьми, да это невозможно!

– Хватит вести себя как шлюха. Неужели тебе это нравится? – Я в ярости.

– Флинт, отвали. Мне и так жарко. Сегодня ужасная влажность, еще и твои нравоучения о моем виде слушать... Ты меня раздражаешь.

– Раздражаю? А ты меня нет? Я хотел утром поспать...

– Уже час дня. Не надо было драть всю ночь, – спокойно отвечая, Джесс подходит к столику и наклоняется над ним.

– Я не... Я тебя придушу! – Возмущаясь, останавливаюсь рядом с ней на веранде, и мой взгляд привлекают лежащие на столике чертежи. – Это...

– То, что хочу получить. Именно так. В центре беседка, по бокам своеобразные качели. У нас в городе их нет, а аналоги очень дорогие. Поэтому думаю, как сделать своими силами. Потом надо будет раскрасить беседку и посадить клумбы. Зои любит розы и лилии. Надеюсь, все получится, – вздыхает Джесс.

Не слушая ее, поднимаю два листа с расчетами, четко выполненными рисунками и даже итоговым вариантом.

– Кто это делал? – спрашиваю, продолжая изучать работу уже профессиональным взглядом.

– Я. И пришлось подговорить туроператора и немного доплатить за само путешествие, чтобы показать расценки родителям. Они ни разу не отдыхали, а у меня не получилось бы подготовить им сюрприз, – равнодушно отвечает она.

Перевожу ошеломленный взгляд на девушку. В душе расцветает такое восхищение, какого еще не испытывал. И гордость. За нее, такую взрослую и все понимающую, за ее планы. И вновь укол в сердце, потому меня в них нет. А мне бы так хотелось стать частью ее мечты!

– Конфетка, это невероятно. У тебя талант! Я могу помочь тебе получить образование. Ты не должна убивать в себе это, я даже хочу нанять тебя в свою компанию. Мне понравилась твоя задумка. И чертежи... ты где-нибудь училась?

– Мне не нужна помощь от тебя, это всего лишь хобби. У меня уже есть место на экономическом факультете, – резко отвечает Джесс. – А училась я по книгам, которые нашла в интернете. Занятия дизайном меня успокаивают.

– Молодец! Но это очень профессиональный проект! Почему ты отвергаешь мою помощь? Почему не хочешь двигаться дальше, а решила застрять здесь? – недоумеваю, откладывая листы.

– Это мое место, Флинт. Это мой город, и я люблю его. Родителям нужна помощь с домом, с братом. Он часто болеет, а папа постоянно путается в бумагах. Зои работает кассиром и иногда не успевает забрать брата из школы. И я должна помогать. Экономика самый верный вариант, тогда папе не придется платить за финансовые отчеты. Я сама буду их делать, уже официально и безвозмездно. Не все могут бросить семью, как ты. – Последней фразой мне снова напоминают о прошлом. Это неприятно, злит, но в то же время так тянет сердце! Я хочу им помочь, а Джесс отвергает меня, словно я чужой. Хотя так и есть.

– Ребята, работаем до пяти, потом по домам. Завтра продолжим с десяти утра. Меня не будет, оставлю с вами Флинта. До встречи, – голос Джесс заставляет вынырнуть из переживаний, и я удивленно поворачиваюсь к ней. – Проследишь за ними, – командует.

– А ты куда? – Возвращается в дом, я за ней. – Джесс, куда ты собираешься? – жестче повторяю вопрос.

– У меня дела. Возможно, не вернусь до завтра. Развлекайся. Хотел помочь, так вперед. – Смеясь, она поднимается на второй этаж.

– Джасмин, куда ты едешь? – Иду следом.

– Развлекаться, трахаться, курить и пить. Отвали от меня и помогай, – бросает на меня ехидный взгляд и хлопает дверью.

Ну нет, так не пойдет. Я не дам ей снова напиться и сотворить что-то ужасное. Пока я здесь, она не будет заниматься сексом. У меня возникает идея, самая безумная за всю жизнь. Прослежу за ней, узнаю, чем она занимается, где берет деньги. Ведь ее мечта стоит прилично для их уровня достатка. А Зои и Скотт вряд ли выделили деньги на это. Да и материалы дорогие. Значит, она действительно работает шлюхой. Нет, не будет такого! Никогда!

Быстро залетаю к себе, переодеваюсь. Еще не завтракал, да и плевать. Душ принять бы, но боюсь не успеть проследить за ней. Джесс еще у себя, а я сбегая вниз, считая наличные. Достаточно, чтобы развлекаться на полную катушку.

– Так, парни, если сделаете все, как хочет Джесс, я заплачу вам по сто баксов каждому за день. Даю три дня, чтобы все было готово. Как вам такое предложение? – предлагаю. Ребята присвистывают и кивают.

– Идет, бро.

– Сделаем в лучшем виде.

– И ни слова Джесс, – предупреждаю их и вылетаю в гостиную, встречаясь с девушкой, спускающейся по лестнице.

– Вечером возвращайся. Хорошо? – мягко прошу я.

Приподнимает брови и улыбается ярко-алыми губами. Без макияжа она прекрасна, косметика делает ее вульгарнее и старше. И снова короткая юбка и топик вместо платья, а ей бы очень пошла одежда классического кроя.

– Посмотрим. – Пожимая плечами, Джесс проходит мимо меня.

Нет, конфетка, не посмотрим, я сам притащу тебя домой. Если будет нужно, за волосы. Дождавшись, пока она сядет в помятую выцветшую «Хонду», вылетаю из дома. Забираюсь в машину Скотта и даю по газам. Двигаюсь за ней. Она направляется в центр, а оттуда на улицу с множеством магазинчиков. Останавливается у одного, темного, словно заброшенного. Я бы в такое место никогда не зашел. Поднимаю голову и читаю: «Столярная мастерская Скотта». Шумно выдыхаю и мотаю головой.

Черт. Как плохи их дела? По виду отвратительны. Люди равнодушно проходят мимо. Я могу им помочь, могу что-то придумать или дать денег. Но они ничего от меня не примут, потому что я чужой. Для всех стал чужим, и у меня одна возможность понять, как поступать дальше, – Джесс. Она точно знает, что требуется Скотту, чтобы его бизнес процветал. А я как архитектор смог бы распиарить его даже в Нью-Йорке, нашел бы заказчиков. Мне нужна Джесс. Я должен узнать о ней то, чем, возможно, смогу ее шантажировать или... Ворох мыслей и ни одной подходящей.

Оставив машину недалеко от мастерской, сажусь за столик в ближайшем кафе и делаю заказ. Чувствую себя подавленным, все настолько сложно, что я теряюсь. Вроде у меня есть то, что хочет получить каждый из проходящих мимо. Но они совершенно не представляют, как пагубна для личности погоня за благами. Разрушаешь все вокруг, теряя душу и рана сердце, и впадаешь в отчаяние: ничего не исправить, ни одного поступка, даже который не совершал.

И ведь до сих пор я ни разу не задумался, как туго приходится моей семье. Мне стыдно за деньги, которые хранятся в банке и на моей кредитке. Если бы родные позволили, все отдал бы за возможность видеть их улыбки. Быть частью семьи, помогать. Боже, какой же я урод... Ненависть Джесс обоснованна. Я не могу винить ее в этом. Тем более ее поведение – точная копия моего. Словно со стороны вижу, каким был. Но лучше не стал. Наоборот, скатился вниз, хотя нахожусь наверху.

Съев сэндвич с курицей, допиваю воду и возвращаюсь в машину. Вспоминаю, что оставил парней одних в доме, не узнав, можно ли им доверять. В комнате дорогой ноутбук. Да к черту, плевать сейчас на это. Смотрю на магазин, Джесс так и не вышла. Что она там делает? За все время ни одного покупателя, а нет выручки – нет денег. А она их откуда-то берет, и это волнует меня больше всего. Не хотелось бы, чтобы подозрения подтвердились.

Продолжаю наблюдать за дверью, окрасившейся алыми бликами заходящего солнца, и она наконец открывается. Сначала не придаю значения вышедшей девушке с заколотыми волосами и минимумом макияжа, одетой в длинное темно-синее платье, струящееся по стройному телу. Но когда она направляется к старой «Хонде», ошеломленно провожаю глазами. Джесс?!

Она настолько элегантна, что ей позавидовала бы любая представительница элиты Нью-Йорка. Хотя платье не брендовое и недорогое, то, как она подает себя в нем, меня шокирует. Ничего от вульгарного образа, осталось только то, что я хотел бы видеть, о чем мечтал. И эта мечта сейчас уезжает куда-то.

Следую за ее машиной, так до конца и не приняв увиденное. Внутри появляется неприятное обжигающее чувство: куда она поехала? Для кого так оделась? Богатый любовник или работа в эскорте? И снова эта злость, не поддающаяся контролю, заполняющая разум.

«Хонда» останавливается у ресторана на берегу океана. Я такого не помню, видимо, новое заведение для статусных и богатых. Таких, как я. Но зачем сюда приехала Джесс? Какого любовника скрывает здесь?

Готов схватить ее и утащить обратно, закатить новый скандал и отлупить. Да-да, отлупить, чтобы проучить самого себя. Напомнить – не мое дело. Ложь. Джасмин стала моим делом с того момента, как появилась в доме Зои. Я был первым, кому она ответила, и я же обломаю ей устремления к порочной жизни шлюхи.

Выхожу из машины, надев на себя привычную для Нью-Йорка маску. Богатый. Сильный. Властный. Требующий повышенного внимания. Обожающий комфорт и престижные вещи. Ее сразу видят, несмотря на то что сейчас я похож на обычного горожанина.

– Добрый вечер, рады видеть вас в нашем ресторане. Вы бронировали столик? – мгновенно оценив мою внешность, спрашивает администратор.

– Добрый. Нет, но вы найдете мне место.

– Конечно. Предпочитаете веранду или основной зал? – интересуется она, провожая меня в помещение с работающим кондиционером, и я бегло осматриваю пространство, забитое посетителями.

– Я желал бы остаться здесь.

Джасмин пока не вижу, хотя нужно время, чтобы привыкнуть к неяркому освещению, интимному, я бы сказал.

– У нас бронь на десять часов. Могу вам предложить только этот столик.

– Ничего. Думаю, мне хватит времени, чтобы оценить ваше заведение, – сухо бросаю.

Взгляд цепляется за платье, играющее каплями мелких камней под искусственным светом.

– Пройдемте, – девушка указывает рукой в зал, но я наблюдаю за Джесс, медленно идущей к роялю в центре зала. Не может быть... – Официант подойдет через пару минут. Хорошего вечера.

Киваю администратору и падаю на стул, пытаюсь разглядеть: Джасмин ли это? Нет, такой бурной фантазии у меня не может быть, и это действительно она. Раскладывает ноты, тяжело вздыхает.

Я ни разу не слышал, как она играет, пропустил ее выступления. И сейчас страшусь вдохнуть, не веря своим глазам и ушам. Голоса стихают, и звуки медленного вальса наполняют зал. Невероятная музыка вбивает в мое сердце острый кол. Он прокручивается с каждой нотой, принося невероятную тоску и сожаление о том, что проигнорировал приглашения. А она играет. Со страстью, с чувством. Перед глазами мелькают картинки прошлого: она берет с меня обещание приехать, а я забываю о нем, едва вернувшись в гостиницу к первой жене. И сейчас испытываю неимоверную жалость. К себе. Сам лишил себя всего.

– Добрый вечер. Вы что-нибудь выбрали или, возможно, я могу вам что-то посоветовать? Поднимаю взгляд на официанта с блокнотом.

– Воду. Только бокал воды, – хрипло отзываюсь и снова поворачиваюсь к островку света с роялем.

Она могла сказать мне, чем занимается, а не вводить в заблуждение. Могла, но только не доверяет. Знают ли Зои со Скоттом? Вряд ли. Не думаю, что об этом она им рассказывает. Но я хочу быть ближе. Сейчас, сидя в престижном для Саванны ресторане, каждой клеточкой своего тела понимаю, как страстно хочу стать чем-то большим, чем просто незнакомцем, потерявшим себя и пребывающим столько лет в постоянных поисках. Я бы наслаждался этими звуками каждый день, они приносят спокойствие и умиротворение. Так странно и хорошо мне в эти минуты, что я улыбаюсь, испытывая гордость за свою конфетку. Она у меня самая замечательная.

– Ваша вода, сэр. – Передо мной ставят бокал и наполняют его.

– Я дам тебе чаевые, в несколько раз превышающие стоимость заказа. – Откидываюсь на спинку стула и смотрю на бегающие глаза парня.

– Вы хотите что-то особенное? – тихо спрашивает он.

– Да. Девушка за роялем. Кто она?

– Ее зовут Джасмин, живет в Саванне, ей восемнадцать.

– Сколько она стоит? – Наблюдаю, как меняется лицо парня, и он зло поджигает губы.

– Она не продается, мистер. И деньги мне ваши не нужны...

– Успокойся, я не собираюсь ее покупать. Вряд ли хватит денег, чтобы приобрести умиротворение, которое она дарит.

– Хорошо. А то иногда появляются придурки, которые думают, что людей можно купить. Джесс не шлюха. – Мне приятно, что он говорит это.

– Давно она работает здесь?

– Около года.

– Сколько получает?

– Я не имею права...

– Еще пятьдесят баксов сверху.

– Тридцать долларов в час. Работает два дня в неделю. В пятницу и субботу. С восьми до одиннадцати, – четко отвечает он.

Подсчитываю. Очень мало.

– А чаевые?

– Редко. Нынче все скупы, хотя мужчин здесь много. Они приходят за другим. Наверное, поощрить ее чаевыми для них слишком затратно, – хмыкает официант и указывает взглядом на зал. И правда, одиноких мужчин здесь достаточно, как и компаний парней, раздевающих Джесс взглядом. Противно.

– Понятно. Спасибо за помощь. Ты можешь передать ей вот с этим, – достаю из портмоне пятьсот долларов, – мое восхищение, не называя имен?

– Конечно, я передам, – с улыбкой он прячет деньги в карман.

– Если узнаю, что она их не получила, найду тебя, и ты познакомишься со мной лично, – предупреждаю.

– Не волнуйтесь, я не вор. Мне нравится Джесс, считаю, она заслуживает большего, чем похотливые взгляды, – обиженно заявляет парень.

– Прекрасно, что наши мнения сходятся. Счет.

Джасмин играет другую мелодию, более быструю. Хочу остаться. Хочу слушать постоянно и видеть ее слабую улыбку от наслаждения музыкой, а не от языка какого-то парня. Вспоминать противно.

Я бы с удовольствием пригласил ее на танец. Она бы улыбалась и дарила нежность, а мне было бы плевать на остальной мир. И даже деньги были бы оскорблением. Но это все какие-то невыполнимые смутные фантазии. Она моя племянница, зарабатывающая игрой на рояле, чтобы помочь тем, кому должен был помогать я. Она взвалила на себя мою ношу. Горло сдавливает от чувств, с каждым днем все сильнее разрывающих сердце.

Оплачиваю счет, кладу обещанные чаевые. Предстоит снова прокрутить в голове свои ошибки, тонуть в них. Я же не выберусь, если вновь что-то узнаю. В сердце застряли ржавые гвозди прошлого, а мне бы выдрать их с корнем, чтобы не захлебнуться от мук души, прогнившей и проданной.

Не имею представления, что делать дальше. Возвращаюсь домой, ставлю машину. Проверяю, что сделали ребята, и все же заглядываю в каждый уголок, чтобы убедиться – все на месте. На заднем дворе беспорядок, и я машинально подметаю, собираю обломки дерева и металла в пакеты, найденные в ящике на кухне. Подхожу к столу, снова рассматриваю чертежи. Это призвание Джесс. Способности перешли ей с генами от Скотта, но вижу в них и что-то свое. Эксклюзивность, масштабность, огромные амбиции. Меня посещает идея. Надеюсь, ее она примет. Это будет тоже подарок. Поднявшись к себе, открываю ноутбук и печатаю письмо с приказом своей секретарше. Перечисляю деньги и с улыбкой возвращаюсь на первый этаж. Нахожу в холодильнике банку с пивом и устраиваюсь на улице. Просто сижу на ступеньке и жду.

Для меня необычно вот так замирать во времени – без выпивки, без шума, движения и постоянной суеты. Банка с пивом так и не открыта. На улице тишина, лишь духота не дает назвать это место раем.

Раздается звук подъезжающей машины. Улыбаясь, наблюдаю, как Джесс выходит из «Хонды». Может, я жду именно ее. Может, на меня снизойдет свет и подарит понимание сущего.

На плече рюкзак, тот же внешний вид, что и до отъезда из дома. Но теперь-то я знаю, что это не она. Это защитная скорлупа от меня.

– Ключи потерял? – усмехается Джесс и плюхается рядом.

– Нет, просто сижу. – Пожимаю плечами и поворачиваюсь к ней.

– Значит, наслаждаешься. Настолько, что даже пиво не пьешь. – Она тихо смеется, и я тоже.

– Будешь? – предлагаю ей, противореча своим мыслям.

– Не хочу. От пива фигура портится, предпочитаю что-то покрепче. Так что ты здесь делаешь?

– Если скажу, что не знаю, такой ответ примешь? – Отставляю банку пива и вытягиваю ноги.

– Приму, потому что это правда. Тебя что-то сильно потрясло, и ты потерялся в своей голове, – серьезно отвечает Джесс. – А знаешь, кто знает все? – Она поворачивается ко мне.

– Это невозможно.

– Ты ошибаешься. Небеса все знают, – шепчет она и показывает пальцем наверх.

– Боже, конфетка, ты до сих пор веришь в небеса?

– Да, они единственные, во что я верю. Ты только подумай, – придвигается ближе, и ее глаза сверкают от возбуждения, но не пошлым, а чистым светом, и я впитываю его, – с самого рождения планеты они смотрят на все, что происходит. Сколько гипотез о нашем происхождении, а они это знают и молчат. И сейчас, в эту самую минуту, кто-то появляется на свет, кто-то покидает его, кто-то понимает нечто очень важное для себя. Кто-то кардинально меняет жизнь. Кто-то плачет, кому-то больно. А кто-то смеется, потому что эти секунды самые лучшие в его жизни. Кто-то изменяет, а кто-то видит это. Кто-то влюбляется, а кто-то расстается. Кто-то лишает себя жизни, а кто-то борется за нее. Миллион судеб, и над ними небеса. Они видят все, знают о каждом, все тайны и мысли, покрывают воровство и обман и обличают их же при свете дня. Они молчат и только принимают в себя всю боль или радость.

Кажется, я даже не дышу, пока она говорит. С такой страстью и верой, что мое сердце сжимается, наполняясь нежностью. Той самой, которую помню. Будто спал в забытии столько лет, а сейчас бутон раскрывается.

– Молчаливые наблюдатели? – шепчу я.

– Точно. Они не могут влезть в судьбу, чтобы помочь избежать ошибок, но они величественны. Вечны и бесконечны. Они всегда над нами, мы не можем до них дотянуться. Они живые. Когда счастья очень много, когда к ним отправляются самые лучшие души, они являют солнце и тепло. В тот день, на похоронах бабушки и дедушки, так и было. Я верю, что небеса забрали себе их свет, чтобы одарить им нас. – При упоминании родителей издаю судорожный вдох, глаза вмиг влажнеют. – Ты не виноват, Флинт. Так должно было случиться. Потому что людям необходимо солнце, согревающее их одинокие дни. Смерти не избежать, но она не так плоха, как кажется. Необходимо лишь отпустить. – Ощущаю теплую ладонь, лежащую на мою щеку. Поднимаю взгляд на Джесс – она мягко улыбается мне. Кажется, в груди что-то трескается, и я полностью тону в боли прошлого.

– А когда дышать не можешь? Когда все рушится и ты чувствуешь острые ножи, взрезающие сердце? Что делают небеса? – Накрываю ее руку своей и прижимаюсь сильнее.

– Они плачут. Когда их переполняют муки, посланными нами, они плачут, чтобы смыть страдание с каждой души. Они дарят свободу, но люди бегут от их подарков. Ведь дождь, каким бы он ни был, холодный или теплый, означает, что скоро все наладится. Тучи разойдутся, и снова наступит солнечный день. А иначе быть не может, ведь всегда наступает точка

невозврата. Она ставит в тупик, а небеса в отличие от людей знают, что делать. – Девушка отводит печальный взгляд и вытягивает свою руку из-под моей ладони.

Видимо, я как раз в таком тупике сейчас. И слова Джесс заставляют поднять глаза к небу со сверкающими звездами, напоминающими камушки на платье удивительного человека, который тоже прячет саму себя, как и я.

– Я иду спать. – Джесс вскакивает со ступеньки, а я не хочу терять этого единения и доверия, которое только что было между нами. Несколько минут я видел ее настоящую и узнал о том, что она не винит меня. А я продолжаю это делать.

– Не уходи, побудь еще немного со мной.

– Я уже устала от тебя, Флинт, – фыркает Джесс.

Непонятно. Пару минут назад мне казалось, что она больше не обижается, и нет в ней ненависти, и снова все изменилось.

– Конфетка...

– Запарил! Иди спать. – Хлопает входная дверь.

А небеса все видят. Они знают, что в моей груди сердце бьется сейчас для нее. Она на несколько мгновений подарила мне веру, пусть и забрала ее моментально, оставив тяжесть внутри.

– Если вы знаете, что мне делать, подскажите. Душа моя умирает, рассыпается от сожаления. Я хочу стать нужным. Простите меня за то, что не выполнил ни одного обещания, данного вам. Я наказан достаточно.

Поднимаюсь на ноги, захватив банку, и возвращаюсь в дом.

Этот день выжал меня эмоционально, и я голоден. Забросив в рот несколько крекеров, плетусь к себе, но останавливаюсь у спальни Джесс. Тихо. А у меня такое дикое желание открыть дверь, забраться в постель и разделить с ней все, что во мне. Расслабиться, не быть одиноким. Я чувствую себя прежним с Джесс, когда она не грубит и не вспоминает о роли, которую должна играть. Зачем? Почему со мной? Ведь теперь я точно знаю, что моя конфетка до сих пор рядом, каким бы ублюдком я ни был.

Глава 7

Ледяная вода окатывает тело и лицо. Испуганно распахиваю глаза и подсакиваю на постели. Мокрые джинсы, рубашка, да я весь в воде. Она стекает по лицу, дышу ртом, поднимая недоуменный взгляд.

– Ах ты урод недобитый! Засунь свои бумажки себе в задницу! Убью! – орет Джесс, стоящая с пустым ведром, которое через секунду летит в меня, и я не успеваю увернуться. Такое начало дня и полное непонимание происходящего приводят в ступор. Чувствительный удар ведром по голове вызывает стон.

– Ты с ума сошла? – хрипло возмущаюсь, моргая и вытирая ладонью мокрый лоб.

– Сколько ты обещал парням за работу? Я просила тебя? Нет! Ни о чем не просила, кроме как проследить! Мало того... Ублюдок, как же я тебя ненавижу! – Девушка визжит и вдруг налетает на меня, опрокидывая на спину.

– Джесс!

– Придушу! Ты следил за мной, подонок! Это твои деньги! Жри их! – Вырываю сто долларовые купюры, которые она пытается засунуть мне в рот. Ни черта не понимаю. Я еще не проснулся, а тут снова хаос.

– Джасмин! Хватит! – кричу, хватая ее за талию. Мотаю головой. Брыканье, визг и ругань. Ярость столь сильная, что заставляет перевернуть девушку на спину и вдавить в матрас своим телом. И плевать, что я мокрый, а она едва одета.

– Хватит, прекрати. Объясни, что случилось? – Отвожу ее руки в стороны, сжимая запястья.

– Ты... ненавижу тебя... ненавижу... – шипит она, сдувая с лица пряди волос. Глаза полыхают от злости, словно штормовое небо.

– Почему? Объясни все без крика. Какого черта ты вылила на меня воду, а теперь пытаешься отравить деньгами? – Блокирую коленями любое движение ее ног.

– Ты... ты вчера уехал, парни сказали! Ты следил за мной! Видел, что я делаю! По описанию это ты, чертов блондин с неизвестным цветом глаз! Это твои грязные деньги! Твои чаевые! Ненавижу тебя! Ненавижу! – Черт, она хоть и маленькая, но сильная и довольно успешно борется со мной.

– И что дальше? Да, следил, чтобы узнать, чем ты занимаешься! Следил, чтобы знать, не спишь ли ты с мужиками! Джесс! Хватит! Дерьмо... – скулю от боли и звезд в глазах, когда она попадает коленом прямо по члену, и перекатываюсь на мокрые простыни.

– Урод! Я тебе сейчас все оторву! – Она лупит меня ладонями, до чего достает, а я прийти в себя не могу. Мне больно, черт возьми!

– Хватит... – Пытаюсь уклониться от ударов, но она запрыгивает сверху.

– Не хватит! Ты не имел права! Ты ничего обо мне не знаешь! Ты... боже, как я тебя ненавижу... – Напор ослабевает, и я распахиваю глаза.

– Джесс... конфетка, – пытаюсь ее утихомирить, но крупные слезы выкатываются из ее глаз. Шлепает ладонями по плечам уже слабо, по инерции.

– Тише, прошу, не плачь. Не плачь. – Сжимаю ее в руках, раскачивая туда-сюда, и только сейчас понимаю, что произошло, насколько неверно она все поняла.

И в эту минуту ее разрывает от слез.

– Ненавижу... – шепчет она и так горько плачет, словно я причинил ей невероятную боль.

– Не плачь, конфетка, ничего страшного. Ты хоть знаешь, как мне понравилось смотреть на тебя? Знаешь, как красиво ты играешь? Мне ничего для тебя не жаль, я хотел помочь. Хотя бы так помочь тебе. Ты много делаешь для семьи, которую я бросил. Прости, если тебя это

обидело. Но я хотел хоть как-то участвовать в твоей жизни, – шепчу, поглаживая ее по волосам, спадающим на обнаженную спину и короткий топик.

– Ты не имеешь права... Ты бросил... бросил меня. – Слабые удары кулачков по плечам, ее тело сотрясается в рыданиях. Мне больно их слышать, меня самого рвет на части, но сделать ничего не могу.

– Прости, конфетка. Умоляю, не нужно меня ненавидеть, больше, чем я сам, ты это сделать не сможешь.

Немного отклоняюсь и обхватываю ее лицо. Огромные, полные слез глаза заставляют сердце лихорадочно содрогаться, судорожно дышу, пока пальцами стираю влагу с ее щек. Она всхлипывает и мотает головой, словно ее так же, как и меня, раздирает от страданий. Это пытка – смотреть на нее и видеть не ребенка, а девушку с кристально чистыми голубыми глазами, в которых отражаются все мои грехи.

– Ты себя обожаешь, Флинт, только о себе и думал все эти годы. И я не верю, что ты можешь себя ненавидеть. – Зло отталкивает меня и вскакивает на ноги.

– Джесс...

– Не надо уверять, что ты хороший. Что в тебе осталось что-то от парня, который хотя бы капельку любил свою семью. Я больше не верю в тебя. Ты стал призраком для нас. – В голосе Джесс столько горечи, что она проникает в мою кровь и отравляет разум.

– Я не уверяю, наоборот, – бормочу с отвращением к себе, поднимаясь с кровати, – поверь, хуже меня человека не было. Я не любил семью так, как правильно, ничего не ценил и теперь расплачиваюсь за все.

– И ты говоришь это мне? – Она облизывает пересохшие губы.

– Да. Хочешь знать правду обо мне? Хорошо, я скажу. Покаюсь, чтобы ты возненавидела меня еще больше. Я должен это вынести, потому что заслужил. – Судорожно сглатываю, чтобы избавиться от кома во рту. – Ты представляешь, что такое одиннадцать лет жить с виной за убийство? И я не знал. Забыл, все забыл. Признаюсь, не думал ни о тебе, ни о Зои, ни о ваших проблемах. Мне было хорошо, я был одурманен возможностями большого города, своими амбициями и женщинами. Я питался самыми лучшими блюдами в знаменитых ресторанах, путешествовал и не вспоминал о вас. Но однажды меня вдруг так сильно долбануло по голове, что я очутился один. Брошенный. Раздавленный. Потерянный. У меня нет цели, чтобы жить. Нет причин, чтобы дышать. И я умираю. Мое сердце давно расколото, а я заливал его алкоголем, только бы не слышать обвинений в голове. – Вспоминаю каждую минуту, отматывая пленку к тому времени, когда все это началось. – Я ни разу не поблагодарил родителей за то, что оплатили мое обучение в Нью-Йорке. За то, что продали дом, все, что у них было, лишь бы у меня была квартира. Да и той я не был доволен. Родители раздражали, потому что постоянно звонили, хотели знать, как я живу, как учусь, с кем встречаюсь. А меня это бесило! Я грубил, ругался. Заявил, что не желаю отчитываться, потому что взрослый, и потом игнорировал звонки. Месяц я о них не слышал, предаваясь пьянкам и травке, несколько раз спускал деньги на кокаин. И женщин. Их у меня было много, столько, что я уже не помнил, с кем трахаюсь. Не запоминал имен. И в тот день, когда родители погибли, я кайфовал. У меня в груди ничего не оборвалось и не ойкнуло, что их уже нет в живых. Ничего, понимаешь? Они ехали ко мне.

Джесс с ужасом смотрит на меня, из ее глаз выкатываются слезы, а мои сухи и безжизненны.

– У них не было денег на самолет, поэтому, волнуясь за меня, они выехали на машине. Они погибли из-за меня. Я убил их и не винил себя. Но сейчас навалились все эти воспоминания, боль и потеря. А мне мало! Хочу умереть, разорвав себя от этих чувств. Я ублюдок! – Ударяю кулаком по двери. Джесс вздрагивает и прикрывает глаза. – Я никогда не думал о семье, хотя стремился к ней. И твои небеса ни черта не помогли! Только смотрели, как я убиваю! Они смеялись в тот день, когда хоронили родителей! Я везде лишний, ненужный. Одинокий.

Вот мое веселое время. Так скажи, достаточно я ненавижу себя? Достаточно, чтобы ты хотя бы немного меня поняла? Мне плохо... – Хватаю ее за локти, словно от этой девушки зависят моя жизнь, мой путь и мое сердце. – Скажи, есть ли у меня шанс спастись из этого ада? И я вижу все! Вижу, как вы выживаете в этом мире, а я шикаю! Вижу, черт возьми, и хочу быть частью вас! – кричу в ее бледное лицо, всматриваясь в широко распахнутые глаза. – Знаю, что без меня вы будете счастливы. А я без вас – нет. Мне нужна только вера... чуть-чуть. Понимаешь? Джасмин, ты же всегда была для меня особенной, хоть и маленькой, но такой родной. Прости... Если бы я тогда ценил помощь, ценил любовь и семью, ничего бы не произошло. Я бы не потерял себя и не вернулся бы в отчаянном поиске хотя бы капли искренности. Но вот это «бы» не изменить. Бесплодные мечты... Я ничего не могу поправить. – В сумасшедшей торопливости вытираю слезы с ее нежной кожи, не тронутой сегодня макияжем.

– Ничего не могу исправить. Я очень хочу, но мне нужна помощь. Ты мне нужна, потому что вчера, когда слушал, как ты играешь, корил себя за невыполненные обещания. За все прошедшее время я ни разу не был таким умиротворенным. Пожалуйста, я каюсь, молю тебя... ты так нужна мне. И из моего прошлого, и вот такая, уже взрослая, умная, немного странная. Ты та самая часть, которая напоминает, что я могу быть собой, не потеряв человеческого обличья и не растворившись среди миллионов людей. Я не хочу исчезать, – последние слова шепчу, приближая к ней свое лицо.

И она так близко. Незаметно для меня положив ладони на мою грудь, тербит пуговицы. Хочет что-то сказать, но закусывает нижнюю губу. Мне так плохо, что сейчас хочется ощутить вкус этих губ. Узнать, смогут ли они подарить мне спокойствие? Смогут ли снять с души этот крест, который придавливает меня?

– Флинт... – Глаза ее бегают по моему лицу, она слишком близко. А я больной, одинокий и жаждущий ласки, незнакомой, новой и в то же время когда-то испытанной. Сейчас в моих руках просто девушка, первая и единственная, кому я открыл свою тайну. Одну из многих.

– Я не знаю, что сказать. Не думала, что ты винишь себя до сих пор. Может, мои слова и не переубедят тебя, но... Нельзя изменить прошлого, но настоящее в наших руках. Если ты это понял, значит, пришло твое время, – шепчет Джесс.

Моргаю и резко выпускаю ее из рук. Мысли, возникшие в голове, пугают. И я отхожу, чтобы не натворить дел похлеще, чем есть.

– Прости, что вылил на тебя все свое дерьмо. Ты не должна думать об этом, только развлекаться и...

– Почему? – перебивает меня, делая шаг ко мне. А я от нее. Со страхом смотрю на распущенные длинные волосы, которые хотел бы сжать, заставив запрокинуть голову. Страшно от фантазий о тяжести и мягкости ее полной груди, выпирающей из топики, о податливости тела, когда его ласкают. Черт возьми...

– Ты права, мне не следовало узнавать все таким способом, это твоя жизнь, и ты можешь делать с ней все, что хочешь. – Отвожу взгляд, надеясь, что она не представляет, какие картинки мелькают в голове.

– Я не об этом. Ты отскочил, словно я прокаженная. – Джесс снова подходит ближе, а я морщусь от отвращения к себе.

– Все в порядке. Не ожидал такого пробуждения, вот и дал слабину. Забудь, ладно? Забудь, что я сказал и... Не знаю, голова болит. – Тру виски, чтобы убедить ее, насколько мне гадко. А это так, потому что она – моя племянница, хоть и неродная.

– Флинт... – Ладонь проходит по моему плечу, а я готов взвыть: не прикасайся ко мне так нежно, не надо, я не заслуживаю. – Я прощаю тебя, но тебе не нужно мое прощение. Ты должен простить самого себя.

Она хватает меня за подбородок и с силой поворачивает к себе, словно это я девочка, а она сильный и уверенный мужчина, знающий все наперед. Подчиняюсь и встречаюсь с ее темными, насыщенными синевой глазами.

– Спасибо, и я хотел бы, чтобы ты забыла об этом, – убираю ее руку от своего лица.

– К сожалению, не смогу, потому что у меня больше нет причин ненавидеть тебя. Мне очень хочется отомстить за ту боль, что ты причинил маме, но я не могу. Я устала воевать с тобой и с собой. Когда ты тоже устанешь, сообщи. – Джесс направляется к двери.

Но она же не может знать, что борьба идет с неожиданным влечением, которое испытал. Или может? Я со стыда сгорю, если она узнает. Сам себя пришибю.

– Джасмин, – на выдохе зову ее, и она поворачивается. – Ты моя племянница, я знаю тебя с юного возраста, и ты моя семья, – напоминаю то ли себе, то ли ей.

– Занимательно, Флинт, но свою родословную я знаю, и тебя в ней нет, – усмехается и качает головой. – Ты просто мужчина, который когда-то встретился на моем пути. – Пожимая плечами, выходит из комнаты и тихо затворяет за собой дверь.

Падаю на мокрую постель, прокручиваю в голове разговор. Нет, вру. Я повторяю про себя последние ее слова. Стало немного легче оттого, что поделился с ней, но вину с себя не снял. И очень волнует, каким она воспринимает меня – не как дядю, как старшего – у нас же разница в двенадцать лет, а как мужчину, который начинает сходить с ума. По идее, должны бы уже появиться мысли, что следует бежать, гнать от себя чувства и желание узнать ее ближе, но их нет. Слишком устал от выплеснутых утром эмоций. Но я буду продолжать бороться. С собой. Это ведь ненормально, что меня возбуждает Джесс, но только ей я могу доверить самого себя. Ни к кому из бывших жен и любовниц такого доверия не испытывал. А между нами оно возникло с первого ее появления в моей жизни. И я вернулся, чтобы честно взглянуть в глаза страхам. На попятную не пойду, но и своей больной фантазии взять верх не позволю. Никогда. Это станет концом для нас обоих.

Глава 8

Спускаюсь вниз, прислушиваясь к мужскому смеху на кухне, и зло сцепляю зубы. Меня чертовски раздражает это, вмиг, словно у безумца, появляется беспричинное желание орать. Совершенно на меня не похоже.

– Не понял, неужели рабочий день завершен? – холодно интересуюсь, входя в столовую. Джесс удивленно замирает с упаковкой молока в руках, ребята завтракают за столом, нагло мне улыбаясь.

– Хм, нет, босс, он только начинается. Пошли, парни, доедим на улице, – предлагает один из них и подхватывает тарелку с хлопьями.

С ледяной яростью осматриваю полураздетых мужчин. Они специально так выглядят, чтобы показать мне разницу и напомнить, что пора заняться своим телом?

– Спасибо, детка, – самый здоровый подскакивает к Джесс и смачно целует ее в щеку.

– «Спасибо» еще отработаешь, – смеясь, она подмигивает наглецу, быстро сбежавшему из кухни под моим пристальным взглядом.

– Настроение плохое? – спокойно спрашивает девушка, сметая крошки со стола.

– Меня еще не будили ледяной водой. И что за черт? Почему ты их кормишь? Они работают на тебя и должны быть во дворе, а не в доме.

– Странный ты, Флинт. Они мои друзья и уже больше года помогают папе. Один развозит заказы, когда они есть, другой иногда подсобляет по дому, третий...

– О-о-о, радушие глубинки, как же я забыл?! И как они благодарят тебя? Опускаются на колени? Или ты? – Взглядом, полным отвращения, смеряю ее с головы до ног – полуголую, в излюбленных шортах-трусиках и топике.

– Когда как.

– Джесс! – Хватаю ее за локоть, не позволяя увильнуть от разговора.

– А тебя-то почему это волнует? Ревнуешь? – Прищуривается и издает издевательский смешок.

– Ревную? Я забочусь о тебе и твоей репутации! – Дергаю ее, чтобы хоть как-то избавить себя от жгучего желания разогнать всех к чертям.

– Чтобы заботиться о чьей-то репутации, для начала надо иметь свою не подмоченную. – Подмигивает мне и вырывается из рук.

Стерва. Вот может же выводить из себя одним только словом! Как ей это удастся? Постоянно. Раздражает.

– Что найдешь в холодильнике – твое. А я в душ, – бросает Джесс и скрывается в гостиной. Но через секунду возвращается и нацеливает в меня палец.

– И скажи им правду, Флинт.

– Не понял?

– Ребятам скажи, что ты пошутил по поводу высокой оплаты их труда.

– Нет. Я сдержу обещание, если они сделают все так, как у тебя на чертежах, – складываю руки на груди. Еще чего, выполнять приказы девчонки!

– Неужели? Ну хотя бы одно. Вау, – наигранно восхищается, затем лицо снова становится серьезным. – А теперь пораскинь своими пропитыми мозгами. Они не видели таких зарплаток. Как отец потом будет с ними расплачиваться? Они ведь не станут больше помогать бесплатно. Хочешь разрушить нашу жизнь, вперед, Флинт, ты же любишь сорить деньгами для других.

– Джесс, я предлагал тебе деньги и продолжаю это делать! – взрываюсь. Она снова мне об этом напоминает, постоянно давит на болезненную точку.

– Мне они не нужны, как и им. Поэтому признайся парням в своей богатой фантазии. – Джесс упрямо поджимает губы.

– О, у меня очень богатая фантазия. К примеру, ты закроешь свой рот и как хорошая девочка поднимешься к себе, примешь душ и начнешь мне улыбаться. Затем прекратишь это издевательство над собой и надо мной. Как тебе? – Ехидно улыбаюсь.

– Я никогда не была хорошей девочкой, Трахни меня. – Смеясь, она выходит из кухни.

Я опять готов заорать. Она просто невыносима! Как в ней уживается столько личностей? То мегера, то соблазнительная стерва, то нежная нимфа. И чаще всего – заботливая дочь. Оду- реть. Но я не собираюсь следовать ее приказам. Парням поощрение не помешает, а Скотта как-нибудь уломаю, чтобы он принял мою помощь. Но сначала уломаю Джесс. Все девушки любят дорогую одежду, духи, подарки, и она не исключение. Куплю ее внимание, отношение ко мне... М-да, только проговаривая слова про себя, уже понимаю – неправдоподобно. Нере- ально. У нее тяжелый характер, признаю, хотя и у меня был когда-то не самый простой. Стал мягче, ослабел. Все из-за женщин. А сейчас именно женщина в лице Джасмин вытаскивает из недр сознания другого, забытого человека, желающего добиться цели.

Не помню, когда ощущал такое желание противостоять этому миру и противоположному полу. Да, я жалкий, и жалею себя, и чувствую отвращение. А началось все очень давно, даже точку отсчета не запомнил. В эту секунду, наливая себе в хлопья молоко, вдруг осознаю, как гадко выгляжу со стороны. Вся моя жизнь была полна жалости к себе и к своим неудачам в любви. Любовь для меня – самое желанное на этом свете, я искал ее. Подбирал даже обеды, чтобы упрочить самомнение. Когда же я потерял свои яйца?

За короткое время невозможно измениться, но я попробую благодаря Джесс. У нее есть все недостатки, которых я избегал. Максималистка, готовая бороться. Уже давно не смотрю на нее как на подростка, поставил на один уровень с собой и анализирую ее жизнь, но... никак не свою. Трус. Мне страшно заглядывать глубже в сердце и разум. Вытащить из себя всю грязь и разобраться в ней. Без этого не обойтись, чтобы иметь власть над единственной женщиной, которая никогда не будет мне принадлежать. Над собственной племянницей. Нет, я не думаю о ней как о спутнице жизни, это даже не обсуждается. Хочу ей показать, что такая жизнь ни к чему хорошему не приведет. Только к полному разрушению и постоянным метаниям. Тер- пение. Для начала стоит поучиться ему.

Позавтракав и приняв, как мне кажется, верное решение, поднимаюсь на второй этаж и стучусь к Джесс. Она открывает. Волосы собраны в непривычно тугую косу, сама все в таком же полуголом виде, но я улыбаюсь. Молодец.

– Чего надо? – недовольно спрашивает.

– Хотел поинтересоваться о твоих планах на сегодня, – отвечаю мягко, вежливо. В голу- бых глазах вспыхивает недоверие.

– Как мои планы касаются тебя? – ехидно усмехается, прислоняясь плечом к косяку.

– Напрямую. Могу помочь, могу быть полезным.

– Нет, ты мне не нужен. Я собираюсь в мастерскую, тебе там делать нечего, – отрезает она, собираясь захлопнуть дверь перед моим носом. Упираюсь ладонью в створку, не давая ее закрыть. Не позволю, чтобы меня и дальше щелкали по носу.

– Конфетка, не будь букой. – Растягиваю губы в соблазнительной улыбке, обычно от нее тают все женщины. Увы, кроме прищурившейся Джесс. – Давай поедem вместе. Хотя я не умею пилить и строгать, но прекрасно сведущ в основах бизнеса и могу что-то посоветовать, чтобы дела улучшились. Я ведь не чужой. Не хочешь денег – не надо, но мои знания могут пригодиться. – Склонив голову набок, не мигая удерживаю ее взгляд.

– Ладно. Уговорил. Но запоминай правила – делаешь то, что я попрошу. Ни больше, ни меньше. Согласен?

– Идет. Дай мне минуту, я возьму вещи. Встретимся у машины Скотта.

Посвистывая, направляюсь к себе. Получилось! Немного настойчивости, и все пойдет как по маслу. Опыт общения с женщинами мне определенно поможет.

Пихаю портмоне в карман джинсов, приглаживаю отросшие светлые вихры и... забываю о наличии мобильного. Я и раньше так делал время от времени, но сейчас иная причина: он мне не нужен. Связь с миром, от которого убежал, – лишнее. И, черт возьми, меня это радует.

Пролетаю мимо пустой спальни Джесс и сбегая по ступеням, подхватив ключи от машины. На влажном воздухе рубашка моментально липнет к коже, душит, и от желания сорвать ее расстегиваю верхние пуговицы.

– Губки подкрасил? – насмешливо спрашивает Джесс.

– А как же, и реснички заодно. Нравится? – строю гримаску и слышу громкий смех.

Опускаюсь в салон и завожу мотор, наслаждаясь изменившимся отношением.

– Тушь потекла, и не видишь дорогу? – хрюкает от смеха Джесс, указывая на выезд.

– Ты не пристегнулась.

– Я и не пристегиваюсь. Смысл? – Пожимает плечами, пристраивая на коленях рюкзак.

– С ума сошла? Это правила безопасности...

– Боже, Флинт, не нуди, – раздраженно закатывает глаза, – я не пристегиваюсь. В этом городе невозможно развить высокую скорость. Тем более что в обеих наших машинах ремни изношены и заедают. Оставь нравоучительные тирады очередной жене и двигай. Не нарушай моего условия, а то поеду одна, – машет в сторону дороги.

– Тогда пересаживайся на заднее сиденье, – выключаю мотор.

– Флинт, давай не будем снова выяснять отношения, – шипит Джесс. – Ты тратишь время, а его остается все меньше и меньше до приезда родителей. Так что побудь плохим, Трахни меня, каким я тебя и помню, – пихает меня в плечо, – стань тем, кто рулил ногами.

– Что? Откуда такие познания?!

– Мама по вечерам часто рассказывала о твоих проделках в юности. У меня целое досье на тебя. А еще она вспоминала, как ты после вечеринки взял ее машину, и наутро она там обнаружила...

– Все! Мы едем! – сдаюсь я, торопливо завожу мотор и резко газую, уши режет смех Джесс.

Поверить не могу, что Зои это сделала. Да-да, я был таким вальяжным парнем, который ходит как в замедленной съемке и сверкает белоснежной улыбкой. Внешность всегда помогала мне затащить очередную красотку в постель или на заднее сиденье машины. В тот день мою забрали родители, пришлось влезть в автомобиль Зои, и на сиденье остались презервативы. И использованные. Глупо, конечно, но кто думает головой в шестнадцать лет? Парнями точно иное место двигает.

По памяти доезжаю до неприметной мастерской. Джесс выходит первой и отпирает ключом пыльную, даже какую-то мрачную дверь в небольшое захлащенное помещение, пропахшее деревом, краской и лаком.

– Ничего не говори, Флинт. Я и без твоей оценки знаю, что здесь просто воняет безысходностью.

Мебель накрыта грязными чехлами, полки пусты. Интерьер больше напоминает склад, чем магазин. Под ногами толстый слой пыли и опилок, разорванная бумага – заброшенное место, где давно никто не работает.

– Расскажи, что у вас происходит, – прошу, прочистив словно скребущее наждаком горло.

– Это помещение папа купил шесть лет назад. Сначала было хорошо, он набрал достаточно заказов, пропадал здесь днем и ночью, – говорит она и проходит между столами, я слеую за ней. – Но уже три месяца, как мы закрылись. Дела идут хреново, мало кто заказывает

мебель, потому как появилась возможность сделать это по интернету. Люди предпочитают эксклюзивные и именитые бренды, чтобы хвалиться ими перед гостями и друзьями.

Джесс отпирает заднюю дверь, и мы оказываемся в самой мастерской. Здесь творится бедлам – штабеля дерева, металла, горы банок с краской, брошенные инструменты и оборудование. От запаха затхлости мутит, а еще больше от того, как здесь все мертво.

– Папе остается только помогать старым друзьям и старожилам города, которые помнят его. Он берется за любую работу – что-то починить, покрасить, заменить крышу, подновить забор. Здесь он давно уже не работает, не создает новые предметы мебели. – Девушка бросает рюкзаки на один из стульев и подходит к длинному столу.

– Черт, – я все четче понимаю, насколько туго им живется, вина вновь дает о себе знать, – но ты... вчера ты приезжала сюда. Для чего? – Голос хриплый от пыли, и даже не хочется его менять.

– Иди сюда, – с улыбкой подзывает Джесс, и я аккуратно пробираюсь к ней. – Вот причина, – указывает она на пластиковую вывеску, которую только начали красить в ярко-голубой цвет. – Моя задумка, которую хочу осуществить. У папы нет времени, мама в этом не понимает, остаюсь я. Новая жизнь. Новые возможности. И начать хочу с названия. Вместо старого теперь будет...

– «Уютные небеса», – читаю вслух.

– Точно. Пока родителей нет, планирую доделать вывеску, прибраться, все отмыть, восстановить папины работы. Есть и вещи, что сделала я сама. После их приезда мы устроим открытие и что-то вроде ярмарки, где будут продаваться изделия. Я уже просчитала себестоимость, старую цену и наценку. Мало кто помнит стоимость товара, поэтому мы укажем ту цену минус доллар. Особенно люди ведутся, если стоит, например, двадцать девять девяносто девять. Главное, не тридцать, хоть всего на цент меньше. Психология, – спокойно рассуждает она. Чувствую, как мое лицо вытягивается от удивления. – Времени осталось мало. Часть мебели готова, часть нужно отполировать. Не боишься запачкать руки, Флинт? – Смеюсь, она срывает ткань с выдавшей вида мебели.

Сразу найти, что ответить, сложно. Никак не могу прийти в себя от увиденной разрухи и банкротства, и в то же время меня распирает от гордости за эту девочку.

– Ну так что? Ты хотел помочь...

– Да-да, конечно. Боже, Джасмин! Да у меня слов нет, чтобы передать тебе, насколько поражен тем, что ты сделала. Я готов помогать. – Смеюсь от понятных только мне эмоций, подхожу к ней и ловлю недоумение во взгляде. – Все что угодно, конфетка, хоть рубашку отдам на тряпки, – продолжаю, сжимая в руках ее прохладные пальцы.

– Надеюсь, этого мы избежим.

– Зачем ты прячешь это, Джесс? – Всматриваюсь в красивое утонченное лицо, в глаза, сверкающие лучше любых драгоценностей.

– Что именно? – удивляется, делая шаг ко мне. Аромат ее шампуня будто возвращает меня в прошлое.

– Себя, конфетка. Ты прячешь настоящую себя, любящую родителей и пытающуюся поправить положение, хотя тебе всего восемнадцать. Прости, что не был рядом, но сейчас здесь и готов, чтобы мной руководили, – шепчу, а сердце бьется в висках от пыльной близости. Мир Джесс ограничен этим местом и в то же время богат, а у меня все наоборот.

– Тебя возраст сделал чересчур сентиментальным, Флинт? Или женщины, которые любят тебя использовать? Бога ради, останови занудство, льющееся из тебя подобно помоям. Противно. – Она с отвращением вырывает свои руки и отскакивает от меня.

– Почему? Что я сказал не так, раз получил очередное оскорбление? Я не вправе тобой восхищаться? Почему не могу быть ведомым, если не представляю, что делать, с чего начать?!

Хватит, Джасмин, не хочу ссориться. Буду молчать. – Обиженно поджав губы, изучаю стену с инструментами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.